

The book cover features a high-contrast, stylized illustration. In the foreground, a soldier in a helmet and tactical gear is shown from the chest up, holding a rifle. The background is a mix of industrial elements, including a tall smokestack, and symbolic imagery, such as a large eye within a triangle. The overall color palette is dominated by black, white, and shades of blue.

**АНДРЕЙ
ФУРСОВ**

ХОЛОДНЫЙ ВОСТОЧНЫЙ ВЕТЕР РУССКОЙ ВЕСНЫ

ИГРЫ МИРОВЫХ ЭЛИТ

Игры мировых элит

Андрей Фурсов

**Холодный восточный
ветер русской весны**

«Книжный мир»

2015

Фурсов А. И.

Холодный восточный ветер русской весны / А. И. Фурсов —
«Книжный мир», 2015 — (Игры мировых элит)

ISBN 978-5-8041-0707-0

Эта книга – взгляд на Россию сквозь призму того, что происходит в мире, и на мир сквозь русскую призму. «Холодный восточный ветер» – это символ здоровой силы, которая необходима для уничтожения грязи и гнили, скопившейся в России и в мире за последние 3040 лет. То, что этот ветер может прийти только с Востока, нет никаких сомнений – больше ему взяться неоткуда. Работа выходит в год столетия начала войны, которую именуют Первой мировой (1914–1918 гг.) Сегодня 1914 год оказывается далеким зеркалом 2014 года – по остроте ситуации, по факту наступления Запада на русский мир. В то же время нынешнее стремление североатлантических вершушек изолировать Россию на международной арене напоминает ситуацию 1938–1939 гг., когда СССР оказался в изоляции, пробить которую Сталину удалось Советско-германским договором в августе 1939 г. Нам сегодня тоже необходимо найти выход. Этот выход явно не будет похож ни на мир, изображенный И.А. Ефремовым в «Туманности Андромеды», ни на мир «Полдня. XXII века» ранних Стругацких. Кроме того, за него придется побороться, воспитав в себе вкус борьбы и оседлав холодный восточный ветер.

ISBN 978-5-8041-0707-0

© Фурсов А. И., 2015
© Книжный мир, 2015

Содержание

Предисловие	5
Дефальсифицируя историю	6
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Андрей Фурсов

Холодный восточный ветер русской весны

Предисловие

Общая тема этой книги – Россия сквозь призму того, что происходит в мире и мир сквозь русскую призму. Название одной из глав – «Холодный восточный ветер» – метафора, позаимствованная мной из шерлокхолмсовского рассказа А. Конан-Дойла «Его прощальный поклон». Для меня это символ того здорового студеного ветра, который необходим для уничтожения гнили, скопившейся в России и в мире за последние 30–40 лет. То, что этот ветер может прийти только с Востока, у меня нет никаких сомнений – больше ему взяться неоткуда. Именно о том, какую конкретную властно-общественную форму он примет, я и размышляю в последней главе этого сборника.

Эта книга выходит в год столетия начала войны, которую именуют Первой мировой (1914–1918 гг.), хотя это и не совсем точно. Во-первых, мировыми войнами были и революционные и наполеоновские (1792–1815 гг.), и Семилетняя (1756–1763 гг.) – войны за мировую гегемонию между Великобританией и Францией; эмбриональной мировой войной была Тридцатилетняя (1618–1648 гг.). Во-вторых, есть некоторый резон в точке зрения, согласно которой так называемые Первая и Вторая мировые войны с межвоенным, заполненным локальными войнами периодом, составляют Тридцатилетнюю войну XX века. Но это к слову. Главное в том, что 1914 год оказывается далеким зеркалом 2014 года – по остроте ситуации, по факту наступления Запада на русский мир – сегодня, как показывает украинская ситуация, с использованием уже не немцев, а неонацистов украинского («славянского») разлива, бандеровских орков.

Стремление североатлантических верхушек изолировать Россию на международной арене, чему аплодирует пятая колонна в РФ, напоминает ситуацию 1938 – первой половины 1939 г., когда СССР оказался в изоляции, пробить которую Сталину удалось Советско-германским договором в августе 1939 г. Разумеется, большинство исторических аналогий, как заметил когда-то Гегель, носит поверхностный характер. Однако это не значит, что ими можно пренебречь. Материалы этой книги – прямо или косвенно – подобраны в немалой степени под углом исторических сравнений. Последние особенно важны в тех ситуациях, которые историк Фернан Бродель называл пересдачами карт социальных игр, а я называю проще: пересдачами карт Истории. Именно в такой «картежный период» мы и вступаем. Выход из него – где-то в начале XXII в. И хотя этот выход явно не будет похож на мир, изображенный ранними Стругацкими в книге «Полдень. XXII век», надо постараться, чтобы он не оказался похожим на мир поздних Стругацких, чтобы «прогрессоры» (они же «регрессоры») оказались там, где им положено, – на обочине исторического процесса, а еще лучше – у парашаи.

Андрей Фурсов

Дефальсифицируя историю Скрытые субъекты мирового управления, Россия и психоисторическая война

Если сравнить жизнь с игрой, то ее участников можно разбить на следующие категории: хозяин игры, игроки, помощники игроков, игровые фигуры и битые фигуры. На всем протяжении истории игроки действуют не так, как обычные люди, так как у них особого рода сознание и способности. При этом хозяин игры не придерживается никаких правил игры, он их разрабатывает для других. Игровые фигуры соблюдают правила так, как им диктуют игроки, но сами этих правил не знают. Помощники игроков повинуются игрокам. Битые фигуры не принимают осмысленного участия в игре – они даже не знают, что являются участниками игры.

[...] [как создать игровые фигуры]: опровергайте любые мысли, что ведется игра, скрывайте правила от игровых фигур, не давайте им извлечь никакой пользы для себя. Скрывайте цели игры, сохраняйте фигурам такие условия, чтобы они не смогли отказаться от участия в игре. Препятствуйте у них появлению чувства удовлетворенности от проделанной работы. Сделайте так, чтобы фигуры выглядели как игроки, но не позволяйте, чтобы они действительно таковыми становились. Со стороны они могут казаться всемогущими, но реально у них не должно быть никакой власти.

О. Маркеев

Пояснение

Эта работа посвящена проблеме глобального управления и его субъектов – структур над-национального (мирового, глобального) согласования и управления. Одной из форм глобального управления является психоисторическая война, распространяющаяся на такую важную сферу как история, на знание и понимание прошлого, без чего невозможно знание и понимание настоящего и будущего.

Одна из линий борьбы за прошлое – фальсификация истории, одна из форм которой – отрицание существования скрытых субъектов глобального управления. Тот, кто стремится к мировому господству, делает все, чтобы затушевать свои действия и представить их в качестве либо случайностей, либо неких системных массовых процессов, развивающихся якобы самих по себе.

Для нас анализ субъектов глобального управления важен особенно, поскольку Россия и русские – их экзистенциальный противник. Для уничтожения в первую очередь России или для установления контроля над ее ресурсами и территорией были организованы две мировые войны XX в., а по сути одна Большая война 1914–1991 гг., из которой до сих пор не сделаны многие важные выводы. В частности, до сих пор эти события и их последствия анализируются без учета интересов, целей и деятельности главных поджигателей и бенефициаров – наднациональных структур, которые и сегодня продолжают вести психоисторическую войну против России и русских, планируя окончательное решение русского вопроса.

И потому необходимо наметить основные контуры русской версии узловых мировых событий последних 150 лет, представить реальную картину мировой борьбы за власть, инфор-

мацию и ресурсы, чтобы, используя эту версию и эту картину, использовать их как эффективное оружие в психоисторической войне вообще и против фальсификации истории в частности.

1

Мы живём в военное время – военное вдвойне. Натовской агрессией против Югославии, а точнее – против сербов началась перманентная горячая война, ставшая следствием разрушения СССР: Афганистан, Ирак, Ливия, Сирия. Одновременно с горячей, то параллельно ей, то переплетаясь с ней, развивается набирающая силу иная форма Холодной войны – организационная война. Ее главной целью является разрушение оргструктур (структур управления) общества-мишени – всех: от социальных и финансовых до структур сознания и познания, т. е. структур психосферы в самом широком смысле этого слова. Именно эта сфера постепенно становится основным театром действий организационной войны, которая в психосфере становится войной психоисторической.

Психоисторическая война – это целенаправленное долгосрочное воздействие на общественное сознание и подсознание (взгляды, идеалы, идентичность, историческая память, эмоции и т. п.) определённой группы, как правило, интеллектуальной и политической элиты, общества-мишени (или на это общество в целом) с целью провести классовое и/или цивилизационное перекодирование, навязать ей (ему) чуждые цели, задачи, идеалы, картину мира и т. п. как якобы её (его) собственные. Задача проста – подавить волю к сопротивлению и экспроприировать общество в целом (ресурсы, территория, человеческий материал), активно используя при этом то, что специалисты из Римского клуба называют «неосознанностью происходящего».

У психоисторической войны (оргвойны в психосфере) несколько уровней (измерений): информационный, концептуальный и метафизический (смысловой). Информационная война в узком смысле – это действия на уровне фактов, их фальсификация, искажение определённым образом. Концептуальное измерение психоисторической войны затрагивает, как ясно из названия, концептуальную интерпретацию фактов, т. е. развивается в сфере перехода от эмпирических обобщений к теоретическим. Метафизическая война – высший пилотаж оргвойны в психосфере – есть преимущественно война смыслов; физическая победа без победы в метафизике, в смысловой сфере невозможна.

В качестве конкретного примера можно привести версию катынских событий, восходящую к Геббельсу. Информационный уровень психоисторической акции: нас убеждают (путем грубых фактографических подтасовок, разрушающихся при постановке элементарных вопросов), что поляков расстрелял советский НКВД. Затем – переход на концептуальный уровень: расстрелял, потому что НКВД – элемент «кровавого сталинского режима», а вся история СССР – проявление тоталитаризма, иллюстрирующая его; здесь вешают на уши образ («кровавый сталинский режим») и концепцию «тоталитаризм», причем сам этот термин должен подтолкнуть объект информагрессии к уравниванию «сталинизма» и «гитлеризма».

Вообще, нужно сказать, что образы в психоисторической войне крайне важны: можно действовать на информационно-концептуальном уровне в духе какого-нибудь Сванидзе, а можно на образноконцептуальном в духе «типа Гельмана». Но это отдельная тема.

И, наконец, метафизика: тоталитаризм якобы вытекает из парадигмы русской истории, из всего ее опыта, ее смысла, которые, следовательно, подлежат изменению. Ведь недаром один из главных бесов горбачевщины, смотрящий за ней от заокеевья, говорил, что перестройкой они ломают не только СССР и коммунизм, но тысячелетнюю парадигму русской истории. Вот это и есть действие оргоружия, причем применению его в «физической сфере», в «физике» предшествовало таковое в метафизике. Разрушению властных и финансово-экономических структур СССР предшествовало разрушение смыслов и ценностей советского общества, оргпогром психосферы. При этом основные удары наносились по фактографии, концепциям и метафизи-

зике истории: целили в коммунизм, а били по России и русским; целили в настоящее и близкое прошлое («сталинизм»), а на самом деле били по прошлому вообще, по историческому, цивилизационному целому, а следовательно по будущему.

Цель психоисторической войны – разрушить организацию психосферы противника, посадив его на ложный информпоток, внедрив свои концепции его самости в пространстве и, главное, во времени и лишив его собственных смыслов и ценностей и навязав чуждые – разрушительные и парализующую волю к борьбе. Наиболее важное направление психоисторической войны – история. Битва за историю – это, по сути, главная битва оргвойны в психосфере, поскольку она подрывает эту последнюю сразу по нескольким направлениям, включая психоудары по исторической памяти (наиболее важные события, наиболее значимые и знаковые фигуры – отсюда поливание грязью нашей Победы, воинской славы, конкретных лиц, прежде всего Сталина, схема «миф о Гагарине» и т. п.), по идентичности, по традиционным для данной цивилизации ценностям.

Центральное событие советской истории – Великая Отечественная война, победа в ней. Это – безусловная ценность, абсолютная скрепа, объединяющая людей не только в России, но и на просторах СНГ, а кое в чем даже за его пределами. И естественно, что именно война и победа становятся главной мишенью в психоисторической войне. Саму Великую Отечественную войну подонки от науки и околоннауки либо переименовывают в «нацистско-коммунистическую», либо добавляют к Великой Отечественной определение «так называемая». Другие вслед за предателем Резуном пытаются доказать, что Сталин готовился напасть на Германию, но Гитлер опередил его на две или на три недели. Третьи пытаются доказывать, что СССР несет такую же ответственность за развязывание Второй мировой войны, как и Третий рейх, аргументируя это фактом «пакта Риббентропа – Молотова» (так они предпочитают называть Советско-германский договор 1939 г.). Именно подобной позиции придерживается целый ряд западных, прежде всего англо-американских и немецких исследователей (если их в данном случае можно назвать исследователями, скорее речь должна идти о пропагандистах, о солдатах и офицерах оргвойны за историю), а также их прихлебатели из компрадорского (компрадорско-коллорабационистского, пятоколонного) сегмента науки в РФ.

Нередко с пропагандистами таких взглядов начинают спорить по частностям или – того хуже – оправдываться. А ведь обе схемы – «план» Сталина первым напасть на Гитлера и якобы равновеликая ответственность Германии и СССР за возникновение Второй мировой войны – рассыпаются от элементарного наступательного удара на самом нижнем уровне психоисторической войны – информационном, позволяя развернуть наступление на концептуальном и метафизическом уровне.

В ближайшие пять лет нас ждет немало круглых дат русской и мировой истории: 2014 г. – 100 лет с начала Первой мировой войны; 2015 г. – 200 лет с окончания наполеоновских войн и установления «Венской системы»; 2016 г. – 25 лет с момента разрушения СССР; 2017 г. – 100 лет Октябрьской революции; 2018 г. – 100 лет с начала Гражданской войны в России и 200 лет со дня рождения Маркса. Можно не сомневаться, что эти даты и стоящие за ними события, тенденции и лица станут поводом (и полем) дальнейшего развертывания психоисторической войны против России. Пофантазировав, можно представить себе, например, издание многотомника, посвященного теме «Россия: мировая война и революция». Цель – доказать, что Россия не играла значительной роли в войне. Деньги дадут западные «научные» фонды. 90 % авторов – западные же ученые, 10 % – представители «компрадорской науки» из РФ, «дети грантов» (но не капитанов Грантов), главным образом узкие специалисты, не замахивающиеся на большой нарратив и обобщения (это – монополия хозяев-грантодателей). Ну а «освятят» все это редколлегией из титулованных околоннаучных чиновников, которые не гнушаются принимать награды от иноземных властей за защиту их интересов в нашей науке. То же, а то и похлеще, можно представить по поводу роли СССР во Второй мировой войне.

Одной из линий «игры на понижение» в оценке роли и значения Великой Отечественной войны может стать противопоставление ей Первой мировой войны как «первой германской» – «второй германской». Первые симптомы такого противопоставления уже появляются. Две войны – две германских, две мировых. Они сыграли огромную роль в истории. А в их истории огромную, решающую роль сыграла Россия, как бы она ни называлась. В следующем году будет столетие начала Первой мировой войны, и о ней уже сегодня много пишут, в том числе и у нас. Вспоминают героев этой войны, ход боевых действий, эпоху. Восстанавливается историческая память, и это, конечно же, хорошо. Нехорошо другое: уже сейчас видно, что намечается тенденция противопоставления Первой мировой – Великой Отечественной. Оно развивается в контексте противопоставления Российской империи, как чего-то положительного, Советскому Союзу – как чему-то отрицательному.

Сегодня можно с уверенностью сказать: попытка героизации белого движения, использования «поручиков Голицыных и корнетов Оболенских» в качестве оргорукия против красного периода нашей истории провалилась. Более чем вероятно, что под лозунгами восстановления «исторической справедливости» о Первой мировой будет предпринята попытка использовать ее в качестве антисоветского оргорукия, как минимум уравнивая ее по историческому значению с Великой Отечественной.

И это будет ложь. Для России, русских и мировой истории значение двух этих войн несопоставимо.

В 1914 г. Вильгельм II и немцы не ставили, в отличие от Гитлера, задачу стирания русских из истории – физического уничтожения одной половины русских и культурно-психологического (т. е. оскотинивания) – другой. Ставки в Великой Отечественной были неизмеримо и несравнимо выше, чем в 1914 г. – быть или не быть России и русским вообще, и уже поэтому ни о каком уравнивании двух войн речи быть не может, при всем уважении к памяти павших в Первой мировой. Я уже не говорю о том, что геройствовал и погибал русский солдат на полях Первой мировой не столько за русский интерес, сколько за кошельки англо-американских и французских банкиров, у которых самодержавие Николая II было почти по уши в долгах. Это – во-первых.

Во-вторых, первая германская для России окончилась поражением и распадом государства. Из Великой Отечественной СССР вышел не просто победителем, но одной из двух сверхдержав – на фундаменте Победы СССР просуществовал почти полвека, но и РФ существует только потому, что до сих пор не удалось разрушить этот фундамент.

В-третьих, две войны – четкие иллюстрации того, что в одном случае (Российская империя) мы имели больное общество, в другом (СССР) – здоровое. Как только в 1915–1916 гг. был выбит старый офицерский корпус, рухнула армия, а вместе с ней – самодержавие, государство. Заменить офицеров как персонификаторов модального типа личности (а его нужно то 7–8% населения) оказалось нечем. В 1941 г. был выбит довоенный офицерский корпус, рухнула армия, потеряв миллионы пленными. Но уже через несколько месяцев другой, вновь созданный офицерский корпус, другая армия нанесли поражение вермахту под Москвой, затем последовали Сталинград, Курск и красное знамя над Рейхстагом. Произошло это потому, что в 1930-е годы был создан тот самый модальный тип личности, советский человек, который и вышел победителем в войне, расписавшись на рейхстаге.

Тему принципиальных различий можно продолжать долго, но едва ли стоит это делать в данной работе. Здесь имеет смысл сказать о другом – о важном уроке Первой мировой. Ту войну проиграло олигархизированное, коррумпированное самодержавие, превратившее Россию в финансовозависимый сырьевой придаток Запада, придаток с заметно ограниченным суверенитетом. В острой ситуации тогдашнего «главного начальника» – царя – свергла великокняжеско-генеральско-буржуазная олигархия (при содействии британцев), т. е. представители 200–300 семей, правивших (как им казалось) Россией. Объективно олигархия сыграла роль

пятой колонны и История – прежде всего руками имперски настроенной части большевиков и военных Генштаба – вышибла ее из страны. Объясняя причины успеха СССР во Второй мировой войне, Черчилль заметил, что, в отличие, например, от той же Франции, в СССР в канун войны была ликвидирована «пятая колонна». Да и с агентурой, добавлю я, как влияния, так и нелегальной не церемонились, действуя «по законам военного времени и правилам поведения в прифронтовой полосе».

История мировых войн показывает: у семейноолигархических систем нет шансов победить. Да, они сдают «главных начальников» или свержают их, рассчитывая откупиться их головами и продлить свой «пикник на обочине» Истории. Напрасные надежды: они слетают вслед за «главным начальником». Первая мировая в России продемонстрировала это со всей ясностью, а ведь люди не меняются, их лишь квартирный (или бизнес— или какой иной) вопрос портит. Этот урок Первой мировой, по контрасту с победным уроком Великой Отечественной – «добрым молодцам урок», если, конечно, они не идиоты (в греческом смысле этого слова: человек живет так, будто окружающего мира не существует). Этот урок, как и священную память о наших павших на обеих войнах, мы должны помнить, воздавая должное нашим героям Первой мировой и не позволяя никому принижать значение героев Великой Отечественной и Победы – нашей Победы – в ней.

То, что подобного рода принижение имеет место быть, что оно будет развиваться и в канун круглых дат (например, 70-летия Победы) станет особенно сильным, сомневаться не приходится.

Мораль из всего сказанного выше: в психоисторической войне в целом и в информационной в частности, особенно в такой сфере как история, не следует ждать, пока противник нанесет удар, нужно бить первыми. Нам нужны свои работы по истории событий, юбилеи которых приближаются, но и вообще по истории России и – обязательно – по истории Запада, с которым и в пользу которого сравнивают Россию. При этом в ходе сравнения у России выпячивается негатив, а то ей и просто приписывается нечто в реальности не существовавшее, а у Запада ретушируются темные пятна. Вообще, нужно сказать, что умение табуировать неприятные для Запада темы и неприглядные преступные страницы его истории – характерная черта западной культуры, в том числе и научной. Нельзя не согласиться с английским историком Д. Ливеном, который в работе «Империя: Российская империя и ее соперники» (английское издание – 2000 г.) заметил, что в современной сравнительной истории и политологии господствует превращенная в догму «странная версия англо-американского самопоздравления-самовосхваления (self-congratulation), написанная в немецкой манере».

Запад, прежде всего его англосаксонское ядро, превратили себя, свое **уникальное** историческое «я» в **универсальное** мерило, на соответствие которому оценивается все остальное. Англосаксы вольны, подобно «Королю» и «Герцогу» из «Приключений Гекльберри Финна» выделывать любые кунштюки. Наша задача и обязанность – не ловиться на них и гнуть свою линию, прежде всего в психосфере. А потому мы должны писать не только свою историю, но и историю Запада (и Востока, конечно) без ретуши. Нам необходима систематическая, наступательная и стратегически выверенная работа в сфере «боев за историю» (Л. Февр), за прошлое – прежде всего свое, но и за чужое тоже. Это необходимое условие победы в битве за будущее. В свою очередь, написание истории Запада, России, мира в целом как условие-императив русской победы в психоисторической войне требует теоретической интерпретации истории Запада, России, мира как систем. Применительно к последним столетиям это означает творческую разработку проблем капитализма и реального коммунизма (т. е. советского строя). В то же время анализ и теория капитализма как системы – это, прежде всего, анализ наднационального (глобального управления), субъектом которого является системообразующий элемент капиталистической системы – организованная в закрытые структуры мирового соглашения и управления («ложи», «клубы», «комиссии» и т. п.) верхушка мирового капитали-

стического класса. Эта верхушка, преимущественно англосаксонская, стремится превратить в функции капитала все принципиально некапиталистическое и подавить все непохожее на протестантизм. В этом плане Россия – втройне враг этих структур: православный опыт, коммунистический опыт, великая держава, двести лет стоявшая на пути создания «мирового правительств».

2

История уже давно стала полем сражения не только научных теорий, но информационных схем, идейных конструкций и концептуальных вирусов (мемов), полем психоисторической войны во всех ее ипостасях – информационной, концептуальной и метафизической. Психоинформационные удары по идентичности, по исторической памяти уже давно вошли в арсенал различных сил современного мира и активно применяются против нынешней России, как когда-то применялись против СССР, а еще раньше – против Российской империи. Нам пытались и пытаются навязать чужое, чуждое нам видение своей истории, а нашу историю представить как неполноценную, недотягивающую до неких универсальных стандартов цивилизационной полноценности, за которые Запад (и его пятая колонна) выдает самого себя, любимого. Что удивительно, многие до сих пор покупаются на эту самозваную универсальность (или универсальное самозванство) Запада и начинают смотреть на свою (в данном случае нашу, русскую) историю чужими глазами. Как писал М. Волошин, «Мы все же грезим русский сон / Под чуждыми нам именами». Ну а тот, кто смотрит на свою страну и на свою историю чужими глазами, рано или поздно начинает смотреть на них в чужих интересах. Пушкин был прав, отмечая, что русская история требует своей формулы, то есть своей собственной теории, а не чужого, преимущественно англосаксонского концептуального платья, которое натягивается на русскую историю. Концептуализация своей истории в соответствии с ее природой и мерой – это, таким образом, задача не только научная, но и психоисторической войны.

Противодействие навязываемым извне теориям, интерпретациям и оценкам русской истории – одно из направлений психоисторической войны, наши действия в которой ни в коем случае не должно носить оборонительный характер – мы должны писать историю не только своей страны, но и Запада такого, каков он есть в реальности – капиталистический хищник, за демократическим фасадом которого скрываются реальные хозяева, объединенные в ложи, клубы и иные структуры.

Не менее важное направление – противодействие попыткам геоисторического (классового, системного, цивилизационного и т. п.) противника уничтожить или подменить нашу историческую память, исказить идентичность и привить комплекс исторической, культурно-психологической неполноценности, как это сделали после 1945 г. с немцами, спекулируя на «неизбывной вине немецкого народа» перед всеми – главным образом перед евреями, «забыв», что наибольшие потери, в том числе сознательно уничтожавшегося мирного населения, понесли русские.

В России в последние два десятилетия попытки привить комплекс исторической неполноценности предпринимались западными пропагандистами и их «пятой колонной» как попытки заставить каяться за «преступления сталинизма». У мема «преступления сталинизма» был не только внутренний, но и внешний, внешнеполитический аспект. Он реализовывался как попытка возложить на сталинский СССР такую же вину за развязывание Второй мировой войны, которая ранее возлагалась только на Гитлера. Фундаментом такого обвинения стало отождествление сталинизма и гитлеризма, СССР и Третьего рейха как двух – левой и правой – форм тоталитаризма, а в качестве конкретно-исторического доказательства использовался «пакт Риббентропа – Молотова», якобы, открывший путь ко Второй мировой войне и даже, якобы, ставший ее фактическим началом. На самом деле Советско-германский договор

был последним из серии договоров европейских держав (Италия, Франция, Великобритания) с Германией, которые должны были создать условия для агрессии Третьего рейха против СССР, не имевшего до августа 1939 г. такого договора с Германией. Августовский договор сорвал агрессию в 1939 г. и отодвинул ее на два очень важных для нас года. Ну а реально открыл путь к войне сентябрьский (1938 г.) Мюнхенский сговор, но это отдельная тема, для нас сейчас важна принципиальная постановка вопроса.

Во время подписания Мюнхенского соглашения (30 сентября 1938 г.) (Слева направо: Чемберлен, Даладье, Гитлер, Муссолини и Чиано)

Нередко в ответ на обвинения в том, что СССР виновен в разжигании Второй мировой войны не менее Гитлера, наша сторона идет по пути простого реагирования, т. е. опровержения нечистоплотных конкретных тезисов оппонентов. Этого явно недостаточно. Речь должна идти о другом – о фиксации того факта (благо доказательств – избыток, причем об этом много написано серьезными и честными западными учеными), что, во-первых, именно британцы и американцы привели Гитлера к власти, создав «Гитлер инкорпорейтед», что именно англосаксы накачали фюрера деньгами и обеспечили (британцы) Мюнхеном тот военный потенциал, без которого Гитлер не мог бы начать войну против СССР; во-вторых, что именно Великобритания «Мюнхеном-38» сорвала заговор немецких генералов, готовых свергнуть Гитлера, – этого британцы допустить не могли; в-третьих, что именно позиция Великобритании в мае-июне 1941 г. (тайные переговоры с Гессом и другими) создала у Гитлера впечатление, что британцы либо замирятся с ним в случае его нападения на СССР, либо, как минимум, останутся де факто нейтральными, продолжая «Странную войну»: блицкриг против СССР был возможен только при гарантии ненападения британцами на западе.

Иными словами, в мае-июне 1941 г. британцы провернули тайную спец- и дипломатическую операцию, аналогичную той, что они организовали в июле 1914 г., спровоцировав Вильгельма II на войну, да так, что он, а также, естественно, Германия и немцы оказались во всем виноваты. Разумеется, формально виноват тот, кто начал войну, т. е. тот, кто капнул последнюю каплю в уже наполненную до краев чашу. Но вот что писал по поводу Первой мировой войны француз Гюстав Лебон, которого, конечно же, трудно заподозрить в симпатиях к Германии вообще и к Вильгельму II в частности. Именно Вильгельм, считал Лебон, – «автор» последней капли, но историку, подчеркивает француз, важно понять, кто наполнил чашу до краев, в результате чего она переполнилась. Это касается не только Первой мировой войны, но и Второй – и вообще всех войн.

Молотов подписывает Договор о ненападении между Германией и Советским Союзом (за ним Риббентроп, справа Сталин) (23 августа 1939 г.)

Ниже в порядке наступательной психоисторической борьбы с фальсификацией истории речь пойдет о механизме возникновения, а точнее организации двух мировых войн XX в. Войны эти вовсе не были случайными, как в этом пытаются нас уверить некоторые историки – западные и формально российские, которые отрабатывают отстегиваемые хозяевами сребреники. Хозяевам, конечно же, выгодно представить войны случайными, их, якобы, могло бы и не быть, если бы, якобы, не Германия и/или Россия: в 1914 г. – два авторитарных режима, в 1939/41 гг. – два тоталитарных. Эта схема рухнет от элементарного информационного удара, поэтому ниже будет предложен краткий фактографический анализ возникновения обеих мировых войн, экскурс в сферу исторической информации. Как говорил отец кибернетики Н. Винер, «правильно жить – это жить, располагая правильной информацией». Речь пойдет также о субъекте или субъектах организации мировых войн, они же – исторические враги России. По сути, будет предложена русская версия мировой, т. е. не только русской, но и западной истории, русский взгляд на события последних полутора веков. Я не стану опровергать западных пропагандистов от науки и их подголосков в РФ, лучший ответ – целостная альтернативная интерпретация, в основе которой лежит вопрос *cui bono?* – «кому выгодно?».

Искажение, фальсификация истории – мощное оружие в сфере психоисторической войны вообще и информационной войны в частности. Материализованная в виде институтов, образовательных структур, систем грантов и т. п. фальсификация истории есть один из элементов глобального управления, которое в качестве факта и процесса, как правило, отрицается конвенциональной (профессорско-профанной) наукой, квалифицирующей попытки серьезного изучения наднациональных структур мирового согласования и управления как «конспирологию», «теории заговора» и т. п. Ясно, что наука, обслуживающая субъекта глобального

управления, должна отрицать факт его существования. Поэтому сам по себе анализ наднационального управления, его структур, форм, этапов развития, методов и т. п. как ПОЛИТИКОЭКОНОМИЧЕСКОЙ реальности означает борьбу с фальсификацией истории. Кроме того, он означает изучение реального главного противника России и русских, который скрывался и скрывается за вывесками «Великобритания» и «США». Наконец, анализ этих структур позволяет понять реальные механизмы истории и ослабляет потенциал оргоружия, которым пользуются те, кого Б. Дизраэли назвал «хозяевами истории», а О. Маркеев – «хозяевами мировой игры». А следовательно, выступает в качестве оргоружия в ведущихся «невидимых войнах» – информационной, сетевой, памяти, оружия сопротивления глобальному управлению. Это знание весьма необходимо нам сегодня, когда начинается новый глобальный передел, новая передача карт Истории, которая определит будущее мира на ближайшие столетия.

3

Горбачёвщина и ельцинщина превратили Россию в значительной степени в объект управления; только сейчас Россия начинает возвращать себе реальную субъектность. Но внешнеполитических побед для этого недостаточно: неполноценная субъектность закрепляется сырьевой специализацией в международном разделении труда неолиберальной внутренней экономической политикой и социальной структурой. Нередко осмысление этого «объектного», максимум – «полусубъектного» состояния оформляется в виде выводов о случайности нынешнего расклада, о глобальном управлении как простом заговоре неких сил. На самом деле наднациональное управление обусловлено природой и логикой развития капитализма и сопротивления ему: не надо, в частности, забывать, что Советский Союз был субъектом мирового управления как в коминтерновскую эпоху, так и в послевоенную (т. е. до конца 1980-х годов). Ну и, разумеется, надо помнить, что без структур наднационального (с 1870-х годов – мирового, с 1980-х – глобального) управления капитализм не смог бы воспроизвести себя как система.

Наднациональное управление – не иллюзия, не блажь, не роскошь, не выверт истории, а средство снятия одного из важнейших противоречий капитализма. Экономически капитализм – цельномировая система, мировой рынок, тогда как политически это не целостность, а совокупность, сумма государств. Отсюда тройное противоречие – между капиталом и государством, целым и суммой, мировым уровнем и национально-государственным.

У крупной буржуазии, в какой бы стране она ни жила (особенно если это крупная страна), прежде всего у ее финансового сегмента, всегда есть интересы, выходящие за национальные рамки, за пределы государственных границ – своих и чужих. И реализовать эти интересы можно только нарушая законы – своего государства или чужих, а чаще и своего, и чужих одновременно. Причем речь идет не о разовом нарушении, а о постоянном и систематическом, которое, следовательно, должно быть как-то оформлено. Одно дело, когда капиталу противостоит слабая или даже не очень слабая политика в Азии, не говоря уже об Африке – здесь достаточно силового варианта, «дипломатии канонеров». А как быть в мире равных или относительно равных: Великобритания, Франция, Россия, Австрия, со второй половины XIX в. – Германия, США? Это совсем другое дело. Для решения проблем на этом уровне нужно уже не огнестрельное, а организационное оружие особого типа, которое, решая задачи верхушки мирового капиталистического класса, снимало бы противоречия между капиталом и государством, наднациональным экономическим и национальным политическим интересом и, наконец, между мировой экономической целостностью и мировой государственно-политической суммарностью.

Структуры, в виде которых существует такое оргоружие, должны быть:

- наднациональными (надгосударственными);

- закрытыми («тайными»);

• долгосрочными по типу и принципу деятельности, поскольку, помимо прочего, выражают целостные и долгосрочные интересы верхушки мирового капиталистического класса.

Именно такие закрытые структуры наднационального согласования и управления потребовались буржуазии на рубеже XVII–XVIII вв. Однако готовых структур у буржуазии не было, и она использовала уже существовавшие, наполнив их новым содержанием. Речь идет о масонских структурах, официальное развитие которых стартовало в 1717 г.

Одновременно с потребностью в наднациональном управлении и появлением первых его структур, возникла принципиальная возможность проектно-конструкторского подхода к исторической практике. И она тоже является имманентной чертой капитализма. Одним из главных метаисторических, организационных отличий капитализма от предшествующих ему систем является то, что с определенного момента развития его история приобретает все более проектируемый характер. Возможности проектировать и направлять ход истории, конструируя ее, зависят от нескольких факторов:

- наличия организации, которая может ставить и решать задачи подобного рода, т. е. обладающей геоисторическим целеполаганием, способностью к стратегическому планированию в мировом масштабе и волей действовать на этой основе;

- адекватного объекта манипуляции как средства решения задач проектно-конструкторской исторической деятельности;

- наличия финансовой базы, обеспечивающей доступ к власти и собственности и сохранение прочных позиций в обеих этих сферах;

- контроля над информационными потоками при значительной роли последних в жизни общества или, как минимум, его верхов;

- наличия структур рационального знания, анализирующих закономерности истории, массовые процессы и поведение социальных групп в качестве объектов, и средств реализации проектно-конструкторской деятельности.

Любым традиционным коллективом, укорененным в «малой традиции», имеющими общие нормы, ценности, предание, будь то община, клан, племя, каста и т. п. трудно манипулировать. Другое дело «одинокая толпа» (Д. Рисмэн) городов, особенно прединдустриальных и раннеиндустриальных, еще не превратившаяся в «трудящиеся классы» и только еще превращающаяся в «опасные классы», столь красочно описанные Эженом Сю; это адекватный объект для широкомасштабных исторических манипуляций. Появляется этот объект, это «вещество» – массы – именно в середине XVIII в., чтобы взорваться, а точнее, быть взорванным в «эпоху революций» (Э. Хобсбаум), в 1789–1848 гг.

Выход масс на авансцену истории предоставил огромные возможности широкомасштабным манипуляторам. Именно масса, т. е. такой атомизированно-агрегированный человеческий материал, который состоит из плохо связанных друг с другом индивидов, является адекватным объектом манипуляции. В середине XVIII в. удивительным образом одновременно возникли и адекватный объект манипуляции – массы («вещество»), и мощнейшая финансовая база (деньги – «энергия»), и новые информпотоки («информация»).

Управление массой (массами) людей требует финансов и контроля над информпотоками – и то, и другое требует организации. В середине XVIII в. начинается финансовый взрыв; если во второй половине XVII в. «высокие финансы» снимают урожай «длинного XVI века» (1453–1648 гг.), то в середине XVIII в. формируются основы современной финансовой системы. Разумеется, и в докапиталистическую эпоху, на заре капитализма в XV–XVI вв. банкиры могли оказывать существенное воздействие на ход событий, однако их масштаб не идет ни в какое сравнение с возможностями капиталистической эпохи, когда объектом воздействия стали уже не отдельные события или их цепочки, а ход истории. Взрыв в развитии банковского капитала, о котором идет речь и который сделал его всесильным, был обусловлен тремя факторами,

стимулировавшими развитие «высоких финансов»: британско-французской борьбой за мировое господство, колониальной экспансией европейских держав и начавшейся промышленной революцией.

Наконец, последнее по счету, но не по значению – роль информации. В XVIII в. произошло еще одно изменение кардинального порядка – резко, качественно выросла роль определенным образом организованной («упакованной», структурированной, обобщенно-каталогизированной, декодированной и т. п.), подаваемой в качестве рациональной, научно обоснованной, принципиально новой и направленной информации и контроль над ней. Эти информпотоки обосновывали претензии новых социальных групп и их союзников из структур Старого Порядка на участие во власти и становились мощным психоисторическим оружием конспиро-структур в переформатировании сознания элиты, социальной вербовке адептов, средством тщательно подготавливаемого перехвата власти с помощью массового движения, первым из которых впоследствии станет Французская революция 1789–1799 гг.

«Энциклопедия» продемонстрировала ту роль, какую играет в обществе претендующая на рациональную новизну и социально ориентированная, идейно заряженная и структурированная информация (информация специального и политического назначения), каково ее влияние на элиты, ставящее их под воздействие определенного информпотока и открывающее их таким образом влиянию внеположенным их интересам конспироструктур или даже превращающее во внешний круг последних. По сути «Энциклопедия» – это первый пример успешной психоисторической войны эпохи Модерна.

Таким образом, в середине – второй половине XVIII в. впервые в истории в невиданных доселе масштабе и форме произошло соединение вышедших на первый план по логике развития капитализма как системы «больших финансов» (денег, золота), информпотоков и больших масс атомизированного населения. Произошло это в соответствии с природой капитализма вообще и с логикой развития (смены) гегемоний в капиталистической системе.

Показательно, что формирование наднациональных структур управления произошло в период, когда пик гегемонии Голландии (1620–1651 гг.) ушел в прошлое, к концу подходил голландский цикл накопления и начали делать свои первые шаги британский цикл накопления и промышленная революция, которые стали основой британских побед в войнах с Францией (1756–1763; 1792–1815 гг.) и установления британской гегемонии (пик – 1815–1873 гг.). И хотя в XX в. британская гегемония закончилась, она сменилась американской, т. е. уже двести лет англосаксы являются гегемонами капсистемы, и их функционирование в качестве таковых тесно связано, во-первых, с наднациональными структурами управления – британскими по своему происхождению и, во-вторых, с еврейским капиталом, тесно связавшим, словно сшившим Великобританию и США и придавшим Англосфере дополнительные целостность и единство. История капитализма последних 200–250 лет – это *par excellence* история наднационального управления, структуры которого выражали интересы прежде всего Великобритании (а впоследствии США и Великобритании) и капитала с британской (впоследствии американской и британской) «пропиской».

4

Субъектом наднационального управления исходно был верхний сегмент правящего британского класса, включая корону. Структурными формами этого субъекта долгое время (до конца XIX в.) были почти исключительно регулярные масонские ложи. И почти с самого начала они были представлены двумя типами, в чём и заключались главный принцип и главная тайна наднационального управления, которое в середине XIX в. стало подлинно мировым. К первому типу относились островные ложи, ко второму – континентальные.

Островные ложи, существование которых хранилось в тайне от «неостровитян», – это форма организации тех лиц, которые играют важную роль в политической, социально-экономической и духовной жизни Великобритании. Идеология островных лож исходно носила патриотический, национально ориентированный характер, упирала на исконно английские традиции, следуя принципу «right or wrong – my country». При этом locus operandi островных лож – весь мир и прежде всего Европа, где действовал другой тип лож – континентальный, но направлявшийся с острова – т. е. из Великобритании.

Установка континентальных лож была диаметрально противоположной таковой островных – космополитизм, подрывавший государственность, традиции и религию (прежде всего католицизм) континентальных государств в интересах Великобритании; в одних случаях это была установка на «самоопределение наций», в других – «объединение наций» (например, Германии и Италии под контролем лож). «Из недр этих лож, покрывших с течением времени своими филиалами все государства мира, – писал когда-то барон де Ренн, – вышли так называемые либеральные учения», предназначенные сугубо на экспорт: континентальных «братьев» вели по пути, прямо противоположному тому, которым шли «островные»: «разрушая традиции в других землях, Англия бережет их у себя как зеницу око, ибо это ее главное духовное богатство, составленное как синтез многовекового опыта [...] Осмеивая внешние формы традиционного быта других народов, Англия с умилением держится за свои формы, за свои обычаи и за свои церемонии, как факторы, отмежевывающие ее от остальных рас и народов, и в этом она следует по стопам другого народа, который благодаря таким же причинам, пронес сквозь тысячелетия свою национальность и сохранил ее жизненные силы до настоящих дней». При том, что оба типа лож были оргоружием, необходимо добавить, что континентальные ложи, в свою очередь, были оргоружием островных

Первым по-настоящему крупным – общеевропейского масштаба и мировых последствий – опытом проектно-конструкторского действия была Французская революция 1789–1799 гг. Используя реальные проблемы, накопившиеся во Франции за сто лет и оседлав массовые процессы, британский истеблишмент, континентальные ложи и швейцарские банкиры свалили монархию во Франции, навсегда устранили конкурента Великобритании и провели очень важный социальный эксперимент, результаты которого активно использовались более века. Разумеется, они использовали реальные проблемы и трудности Франции, которые в значительной степени сами же и создали (финансовым и информационным воздействием). Эти действия и стали решающими, поскольку в XVI, XVII и первой половине XVIII в. социально-экономическая ситуация во Франции была хуже (порой много хуже, чем в правление Людовика XVI), но революция тогда не случилась. Как заметил И. Тэн, при Людовиках XIV и XV еще больше голодали, но дальше усмирявшихся бунтов дело не шло. В 1789 г. к системному фактору добавился субъектный (не путать с субъективным). По сути, французская революция стала оргоружием наднациональных финансово-политических конспироструктур и Великобритании в их борьбе против Франции, французской монархии. Эти наднациональные силы и стали в Европе главными победителями наполеоновских войн, главными бенефициарами британского цикла накопления и британской гегемонии.

Французская революция открыла «эпоху революций» (1789–1848 гг.). «Эпоха революций» и «длинные пятидесятые» (1848–1867/73), когда по масонским лекалам и под надзором Великобритании создавались целые государства, стали периодом прихода масонов к власти и, как следствие, частичного огосударствления масонства, т. е. торжества наднациональных структур согласования и управления. Однако здесь возникли и проблемы. Приход в различных странах Европы в середине XIX в. в той или иной форме к власти верхушки классических лож оставил в политическом офсайде немалую часть членов этих лож. Кроме того, далеко не все участники революционного движения были довольны результатами Французской революции 1830 г. и в еще большей степени европейской революции 1848–1849 гг. В лице государства

им теперь часто противостояли «властные масоны», и это создавало конфликтную ситуацию внутри масонства, в мире конспироструктур. Результат: недовольные стали создавать «дикие ложи», которые перехватили у занявших место монархии классических лож знамя «мировой революции» и вдобавок придали ему классовый характер – антибуржуазный и антигосударственный одновременно. Это весьма соответствовало и борьбе «опасных классов», постепенно превращавшихся в «трудящиеся классы», и зарождавшейся борьбе пролетариата. Не случайно те, кто двинулся в «дикие ложи» и просто в революционные конспироструктуры, стали называть себя «карбонариями», т. е. угольщиками.

В это же время начинают возникать наднациональные структуры с претензией на управление борьбой трудящихся в мировом масштабе – I Интернационал во главе с Марксом. Здесь не место анализировать связи I Интернационала с масонами, карбонариями, крупным финансовым капиталом и британской разведкой. Ограничусь указанием на то, что принцип наднационального управления стал работать не только по классовой «горизонтали», но и по «вертикали», пронизывая общество сверху вниз.

В последней трети XIX в. под воздействием финансистов, революционеров и спецслужб начинает стремительно оформляться двухконтурная система управления миром: государственные структуры, а также открытые, внешне представляющие собой достижение и воплощение «демократии и прогресса» политические формы (партии, парламенты) **национального** уровня становятся в значительной (порой весьма значительно) степени функцией закрытых структур **мирового** уровня. В этот период также становится ясно, что в усложняющейся политико-экономической обстановке (экономическая депрессия 1873–1896 гг.; упадок гегемонии Великобритании; раскол внутри масонства на британский и немецкий секторы; подъем США и Германии; начало борьбы Запада за русские ресурсы; обострение классовой борьбы и многое другое) масонство как форма наднационального управления перестает быть адекватным эпохе. Возникает потребность в принципиально новых формах, новых структурах, которые, во-первых, должны сплотить англосаксов (британцев и американцев) в борьбе против Германии и за русские ресурсы; во-вторых, стать подлинно мировыми – масонство несло на себе отпечаток европейской мир-системы XVII – первой половины XIX в.

Новыми структурами (субъектами) мирового управления стали общества, созданные С. Родсом, А. Милнером и другими в Великобритании. После окончания Первой мировой войны эта линия развития продолжилась взаимопроникновением наднациональных и государственных («национальных») структур, т. е. взаимопроникновением двух контуров при сохранении самого принципа двух-контурности. Западные государства все больше становились функцией структур мирового управления, основанного на финансах и неформальном, но весьма эффективном политическом контроле.

Аналогичный процесс формирования двухконтурной системы развивался с 1920-х годов в СССР, в зоне системного антикапитализма, но в направлении, противоположном западному: если на Западе государство превращалось в функцию «наднационалов», Фининтерна и т. п., то в СССР команда Сталина, свернув проект «мировая революция» и приступив к строительству Красной империи, начала превращать персонификатора мировой революции – III Интернационал (Коминтерн) в функцию государства СССР, по сути устраняя двухконтурность. Став залогом советских побед в 1930-1950-е годы, позднее это устранение, неском-пенсированное советской верхушкой, сыграло злую шутку и с соцлагерем, и с СССР, и с КПСС¹.

¹ Послевоенное тридцатилетие, ставшее для Запада периодом небывалого расцвета, на какое-то время отложило необходимость создания новых форм и структур мирового управления. Однако уже к концу 1960-х годов появились серьезные признаки надвигающегося кризиса. Упреждающей реакцией верхушки мирового капиталистического класса стало создание структур мирового согласования и управления нового типа – Римского клуба (1968 г.) и Трехсторонней комиссии (1973 г.). А поскольку ударной силой, стоявшей за их созданием, была корпоратократия – молодая и хищная фракция мировой буржуазии, вышедшая на арену истории сразу же после окончания войны и являвшаяся уже не просто мировой, а глобальной по

Подводя предварительный итог, можно выделить в истории наднационального управления эволюционные и революционные (кризисные) периоды. Первым периодом (эволюционным) был почти весь XVIII в. Затем наступила «эпоха революций» (1789–1848 гг.), ставшая эпохой кризиса наднационального управления XVIII в., кризиса его структур и поиска новых форм. Стабилизация 1850-1870-х годов лишь на время заморозила эту проблему, прорвавшись 75-летним кризисом 1870-1945 гг. и возникновением принципиально новых – мировых – форм наднационального управления. За этим последовала, как и в XIX в., тридцатилетняя стабилизация, сменившаяся кризисом (поначалу его «смягчили» лихие 1990-е – за счет ограбления бывшего соцлагеря). Кризис породил новые структуры наднационального управления – глобальные. Эти последние – диалектика – в такой же степени породили этот кризис, в какой были его порождением. Парадокс, но глобализация исходно развивается как кризис – кризис глобального управления. Нынешний кризис наднационального управления (глобальный), как и предыдущий – мировой – самым тесным образом связан с Россией, ее исторической судьбой, о чем необходимо сказать особо.

5

Противостояние России и Запада началось давно – с того момента, когда освободившаяся от Орды Русь заняла место рухнувшей Римской империи. С этого момента к противостоянию ортодоксии отколовшегося по политическим причинам от этой самой ортодоксии католицизма добавилось противостояние на геополитическом уровне. Уже в последней трети XVI в. на Западе появляются два плана установления контроля над Россией – католический (Габсбурги, Священная Римская империя) и протестантский (Англия). Оба эти плана (с модификациями) шли сквозь века и в конце XX в. приняли форму подходов Ротшильдов и Рокфеллеров к ослаблению/разрушению СССР.

В начале XIX в. сразу после окончания наполеоновских войн началось противостояние России с ангlosаксами; если в XIX – начале XX в. это была российско-британская борьба на геополитической основе, то почти вся вторая половина XX в. – это советско-американское противостояние, в котором на стороне США были не только их британские «кузены», но и Запад в целом. В XX в. к геополитическому аспекту противостояния с ангlosаксами добавился социосистемный: СССР выступал по отношению к Западу, к мировой капиталистической системе не просто как держава, а как системный антикапитализм и альтернативная мировая система.

Сквозь борьбу как британцев, так и американцев против России, т. е. сквозь всю борьбу ангlosаксов против русских с XIX в. и до наших дней проходят еще две «красные линии», теснейшим образом связанные с наднациональным/мировым/ глобальным управлением. Первая «стартовала» в 1820-е годы, одновременно с началом британско-русской борьбы, вторая – с 1880-х.

Первая «красная линия» связана с проявившимся уже в 1820-е годы стремлением европейских банкиров, прежде всего Ротшильдов, создать нечто напоминающее мировое правительство, официализировав/институционализировав наднациональное управление. На пути этого устремления объективно оказалась Россия Александра I, а затем Николая I, что сделало Романовых врагами не только Великобритании, но и европейских банкиров во главе с Ротшильдами (впоследствии они будут финансировать и Крымскую войну, и революционное

потенциалу и ориентации, то и структуры эти были уже структурами глобального управления. Их задачей было дать старт глобализации как оргоружию верхних сегментов капиталистического класса в борьбе с внешним (СССР) и внутренним (рабочий класс, большая часть средних слоев) классовым врагом. Разрушение СССР на какое-то время отодвинуло новую кризисную эпоху – отодвинуло благодаря ограблению Западом бывшего соцлагеря и возможностям международного разбоя, которому в отсутствие СССР некому было противостоять. Однако в конце 1990-х годов забрезжил новый кризис, и мы уже полтора десятилетия живем в условиях глобального кризиса, который помимо прочего, проявляется как кризис глобального управления.

движение в России). Ситуация не изменилась после Октябрьской революции. Взяв курс на строительство «социализма в одной, отдельно взятой стране», т. е. Красной империи, команда Сталина объективно стала на пути превращения мирового управления в мировое правительство – Сталин трижды срывал планы глобалистов, причем как правых, так и левых, заслужив ненависть первых и вторых.

Борьба англосаксов и Запада в целом против России велась не только и даже не столько по государственной линии, сколько по линии закрытых наднациональных структур мирового согласования и управления, государства нередко были лишь средством и фасадом этой борьбы. Можно даже сказать, что эволюция форм организации мирового управления в XX в. в значительной степени определялась логикой и задачами борьбы верхушки Запада, мирового капиталистического класса с Россией. В значительной степени этому способствовало все то, что было связано со второй «красной линией», стартовавшей в 1880-е годы и связанной со стремлением Запада поставить под контроль русские ресурсы.

К 1880-м годам основные ресурсные зоны мира уже были поставлены Западом под контроль в виде либо колоний, либо полуколоний. Капитал требовал новых ресурсных зон (а заодно рынков сбыта и источника дешевой рабочей силы), это требование усиливалось отрицательной экономической конъюнктурой – мировой депрессией 1873–1896 гг., ударившей, прежде всего, по Великобритании.

Бисмарк на Берлинской конференции 1884 г.

В 1884 г. в Берлине состоялась конференция, на которой было принято решение, что страны, обладающие природными ресурсами, но не способные их освоить, должны открыться «международному сообществу», т. е. Западу. А тех, кто этого сделать не захочет, откроют силой. Официально утверждалось, что речь идет об Африке, но это, конечно же, не соответствовало действительности: по поводу Африки **в таком контексте** никто **таких решений** принимать не стал бы – просто пришли бы и взяли силой, как это и было сделано в конце XIX в. по отношению к Африке, причем не только черной, но и белой – бурской. На самом деле Берлинская конференция посылала предупреждение – «черную метку» – России, проверяя на прочность ее молодого императора. У Александра III нервы оказались крепкими, да и его Россия была достаточно сильной, не чета империи его сына-неудачника, не была еще опутана долгами, а потому «черная метка» своей цели не достигла.

Цели и задачи 1884 г. решались посредством Первой мировой войны и Февральского переворота 1917 г., которые должны были выбить Россию из разряда великих держав (про-

грамма-минимум) или привести к ее расчленению с установлением уже не только экономического, но и политического контроля (программа-максимум).

В начале 1920-х годов интернационал-социалистическая фаза русской революции и Гражданская война создали ситуацию весьма близкую той, к которой стремились транснациональные олигархии; казалось, русские ресурсы вот-вот окажутся под западным контролем. Однако команда Сталина прихлопнула НЭП вместе с проектом «мировая революция» и всего лишь через десяток лет после высылки из СССР Троцкого создала мощный военно-промышленный комплекс и обеспечила промышленную автаркию от капиталистического мира (два из пяти мировых промышленных «узлов» того времени находились на территории СССР).

Попытка Запада (прежде всего Великобритании) поставить русские ресурсы под контроль с помощью Гитлера провалилась и, вопреки американским расчетам, СССР восстановился не за 20, а за 10 лет, уже в начале 1950-х годов став сверхдержавой. А в 1950-1980-е годы Западу было уже не до русских ресурсов – борьба шла с системным и геополитическим противником, однако в ходе и особенно после разрушения СССР вопрос о русских ресурсах оказался опять на повестке дня Запада, особенно с учетом важности нефти и газа для нынешней экономики. К русским ресурсам сегодня добавляется еще один «приз» – русское (северноевропейское) пространство. Дело в том, что практически все специалисты сходятся во мнении: в условиях надвигающейся угрозы геоклиматической катастрофы (затухание Гольф-стрима, планетарная перестройка, происходящая каждые 11,5-12,5 тыс. лет и попавшая на XX – начало XXII в. с активной фазой в 1990-2030-е годы) единственной стабильной и ресурсообеспеченной зоной будет Северная Евразия, т. е. Россия, особенно ее зауральская часть. Именно это делает установление контроля над Россией императивом для западных верхушек, представители которых не стесняясь говорят о том, что русские все равно не могут освоить Сибирь и Дальний Восток, а потому они должны уйти под контроль международного сообщества, т. е. транснациональных корпораций и структур глобального управления (повторение ситуации 1884 г.); что русских слишком много, и вообще их достаточно 15 или максимум 50 миллионов, поскольку для обслуживания «трубы» (это и есть по схеме Запада исторический удел русских) больше не надо. Ну а их «пятая колонна» в РФ активно подпевает хозяевам.

Парад англичан в Мурманске (Россия, ноябрь 1918 г.)

Разрушение СССР как формы исторической России должно было решить для Запада ряд проблем и настезь распахнуть «ворота» глобализации. То есть достичь одного из тех главных результатов, ради которых затевалась Первая мировая война, ради которых (ее) заговорщики и поджигатели работали в течение нескольких десятилетий. Именно в этой войне родился XX

век. По сути же она стала началом Большой войны XX в., «горячая» мировая фаза которой длилась 31 год (1914–1945 гг.), а «холодная» глобальная – 45 лет (1944–1989 гг.). Понять «короткий XX век» (1914–1991 гг.) и два «водораздела» (1871–1929 гг. и 1971–? гг.), мировое и глобальное управление этой эпохи – это прежде всего понять механизм организации войны 1914–1918 гг., цели и мотивы ее организаторов-поджигателей.

Именно целостная картина эпохи, стартовавшей Франко-прусской войной (1870–1871 гг.) и экономической депрессией (1873–1896 гг.) и окончившаяся разрушением СССР (1991 г.), а не отдельные контрвыпады на упрёки в адрес СССР как стороны, якобы, несущей ответственность за Вторую мировую войну, представляется адекватным ответом психоисторическому противнику; не контратака, а контрнаступление по всей линии фронта.

Кузнецкий меткомбинат им. И.В. Сталина в конце 30-х годов

Как заметил Альберт Швейцер, в споре побеждает тот, кто подрывает **основы** взглядов и позиций оппонента. И, добавлю, предлагает более широкую, чем он, картину мира и причинно-следственных связей. Я уже не говорю о том, что от начала Первой мировой и предшествовавших ей десятилетий прямая линия прочерчивается через 1939–1945 гг. в наши дни, в «водораздельную», чем-то напоминающую и 1900-е и 1930-е годы одновременно предвоенно-военную эпоху, чреватую новым взрывом – ведь даже разрушением СССР в 1991 г. русский вопрос, проблема России не была решена Западом до конца; битва за русские ресурсы, а с учетом угрозы геоклиматической катастрофы и за русское пространство как резервную территорию еще впереди. Надо учить уроки Истории и использовать их науку против главного противника – «Ступай, отравленная сталь, по назначению» («Гамлет» Шекспира в пастернаковском переводе). И если мы хотим (должны!) переиграть результаты Холодной войны как когда-то СССР переиграл итоги для России Первой мировой, то уроки истории нужно не только знать и учить, их нужно использовать как оружие в информационной, психоисторической войне.

6

С окончанием наполеоновских войн Россия стала противником № 1 Великобритании на континенте, и британцы начали готовиться к устранению этого конкурента. В 1820-е годы была запущена психоисторическая (информационная) программа «русофобия», которая должна была морально и идейно подготовить всех западноевропейцев к участию в британской борьбе против России, кульминацией которой в XIX в. стала Крымская война – первая общезападная война против России. Ее результатом стало уменьшение влияния России в Европе и некоторое укрепление позиций Франции Наполеона III, но при этом Россия сохранила статус одной из пяти великих европейских держав и продолжала противостоять Великобритании в Централь-

ной Азии. Чтобы изменить эту ситуацию британцы озаботились созданием континентального противовеса России, который в то же время мог бы подсесть и Наполеона III, проявлявшего все большую самостоятельность. Таким противовесом должна была стать объединившаяся вокруг Пруссии Германия.

Суворов пожирает французскую армию

В 1870–1871 гг. Пруссия нанесла поражение Франции. Быстрая победа немцев уже тогда вызвала определенное удивление у современников – не настолько они были сильнее французов в военном отношении. Со временем ситуация прояснилась: поражение во многом стало результатом предательства. Последнее было обусловлено тем, что «братья» из масонских лож Великобритании, Франции и Германии договорились – и судьба Третьей империи была решена. Британцы могли торжествовать. И вот тут-то немцы преподнесли им крайне неприятный сюрприз, последствия которого в значительной степени определили ход европейской и мировой истории почти на восемь десятков лет.

Разделавшись с французами, немцы объединили свои (континентальные) масонские ложи, которые ранее в разрозненном виде находились в той или иной степени под контролем британских (островных) лож, в одну крупную сверхложу – «Geheime Deutschland» («Тайная Германия») и тем самым не только вышли из-под их контроля, но сделали заявку на самостоятельную игру в мировых процессах. Впервые (и, кстати, единственный раз в истории) англосаксонским наднациональным структурам мирового управления и согласования был брошен вызов на национальной основе. Мощь этого вызова подкреплялась национально-политической позицией немецкого правящего класса и растущей экономической мощностью Второго рейха, тогда как Великобритания в 1870-е годы пик своей политико-экономической гегемонии в мире уже прошла.

«Комическая карта Европы» (Фред Роуз, 1900 г.)

Британское общественное мнение, не ведавшее о масонской подоплеке Франко-прусской войны, победа немцев и так напугала до такой степени, что в 1871 г. увидел свет рассказ полковника Дж. Чесни «Битва под Доркингом». Сюжет прост: немцы высаживаются в Англии и начинают войну. Еще за 1015 лет до этого такое британцу и в голову не могло прийти, но жизнь менялась.

Итак, Второй рейх создал двухконтурную систему власти в одной отдельно взятой стране – до этого двухконтурной структурой власти обладали только британцы. Хотя в «коварном Альбионе» угрозу осознали сразу, в 1870-е годы британцам было не до Германии: ситуация на Ближнем Востоке, Русско-турецкая война и Большая игра не позволяли им заняться решением германского вопроса. Германия тем временем наращивала мощь, формировался русско-германский союз, а экономическое положение Великобритании не улучшалось.

В 1880-е годы перед британской верхушкой остро встали два тесно связанных вопроса – германский и русский. Рост Германии, «германского духа» надо было во что бы то ни стало остановить, ну а русские ресурсы надо было поставить под контроль. И, конечно же, нельзя было допустить реализации ночного кошмара британцев – континентального русско-германского союза. Более того, британцы могли остановить немцев только с помощью России, используя ее (а затем, по использованию, поставить на колени, как они это попытались сделать в 1917–1918 гг.). Как заметил замечательный русский геополитик Е.А. Едрихин-Вандам, решение британцами германского вопроса «возможно не единоборством Англии и Германии на Северном море, а общеевропейской войной при обязательном участии России и при том условии, если последняя возложит на себя, по меньшей мере, три четверти всей тяжести войны на суше». Отметим важнейшую деталь: в конце XIX в. само существование Британской империи и ее верхушки во многом стало зависеть от разрушения Германии и России, но средством разрушения мог быть только конфликт между ними. Завязанный тугим узлом русско-германский вопрос стал центральным вопросом существования британской, а с определенного момента американской верхушки в их глобалистских устремлениях. Глобалистский и имперский принципы организации пространства несовместимы, особенно когда имперский принцип воплощается белой же, христианской, но не протестантско-католической, а православной и к тому же некапиталистической по сути цивилизацией – Россией.

Решение германского вопроса британцами упиралось в европейскую войну, которую надо было каким-то образом вызвать, и в необходимость создания союза с Россией. С учетом полувекового англо-русского противостояния даже договора 1887 г. по Афганистану, заключенного после Пандждехского инцидента (1885 г.), который едва не привел к войне, было мало-вато для фундамента нового союза. К тому же британцы стремились зажать немцев в клещи,

а для этого нужна была Франция как союзник Великобритании и России. Но в том-то и дело, что у Франции на тот момент были натянутые отношения с Россией и еще более натянутые – с Великобританией. И британцы нашли сильный ход: прийти к союзу с Россией через союз с Францией, которая предварительно войдет в союз с Россией. Эту долгосрочную схему разбили на несколько ходов.

По-видимому, окончательное решение по разгрому Германии британцы приняли не позднее 1888 г. (экономические проблемы подпирали), и работа закипела; забегая вперед, отмечу, что именно в это время человек Ротшильдов Сесил Родс начал создавать закрытую организацию управления нового типа. Сначала нужно было поработать над франко-русским союзом. Убеждать французов двинуться в сторону России пришлось папе Римскому. Он едва ли с охотой взялся за это дело, но на тот момент Ватикан изрядно задолжал Ротшильдам, пришлось отрабатывать. Франко-русскому сближению способствовало и послебисмарковское ухудшение германо-русских отношений – отчасти объективное, отчасти являющееся результатом действий в России британской агентуры влияния, тесно связанной с британскими банками.

Сесил Джон Родс (5 июля 1853 – 26 марта 1902)

В 1892–1893 гг. результат – франко-русский союз – был налицо. Ну а положение Великобритании на мировой арене осложнилось настолько, что Родс заговорил о необходимости создания единого англо-американского истеблишмента и занялся созданием принципиально новых закрытых наднациональных структур мирового согласования и управления, более адекватных новой эпохе, чем масонство, с одной стороны, и немецкая сверхложа и иные закрытые структуры – с другой. Одной из таких новых структур стало общество под неброским названием «Мы» («We»), или «Группа» («The group» – существует до сих пор); за ним последовали другие, например, общество Милнера («Круглый стол»), выросшее из «Группы» и ставшее в определенный момент ее ядром. Новые структуры активно включились в дело спасения Великобритании путем уничтожения Германии с ее двумя контурами власти (кстати, немцы тоже не дремали, создавая неоорденские структуры и корпорации нового типа) и разрушения России.

Следующим шагом долгосрочной стратегии Великобритании было подтолкнуть Францию к союзу с Альбионом. Для этого необходимо было наглядно продемонстрировать французам, что русские не так сильны и не стоит так уж слишком рассчитывать на них в противостоянии с Германией. А для этого, в свою очередь, нужно было реально ослабить Россию, но только не в европейской зоне – там она еще пригодится, а, так сказать, «на дальних берегах». Например, на Дальнем Востоке. Эта задача была решена с помощью Японско-русской войны (1904–1905 гг.), которой предшествовало заключение англо-японского договора (1902 г.), сыграв-

шего значительную роль в определении исхода Японско-русской войны, в которой британцы активнейшим образом помогали японцам. Аналогичным образом «играли» и американцы, действуя против России. Показательно, что любимой мишенью для стрельбы в тире президента Т Рузвельта, с которого в политике США начинается поворот к новым отношениям с Великобританией, был портрет русского императора Николая II.

Британцы добились своей цели: после Японско-русской войны напуганные французы пошли на союз с Великобританией. Россию британская агентура влияния, сорвавшая русско-германское сближение после Бьерка, подталкивала тоже к союзу с британцами, который после войны с Японией и при наличии русско-французского и франко-английского союзов внешне казался логичным. В 1907 г. русско-английским союзом было оформлено то, что вошло в историю под названием «Entente» – «Антанта», или «Сердечное согласие». До сердечности там было очень далеко, тем более, что Великобритания, по сути, не брала на себя никаких обязательств, оставляя Францию и Россию один на один с Германией, и это был бесспорный успех британской дипломатии, а точнее, тех сил, которые из-за кулисы направляли ее развитие, готовя крупномасштабную войну, новую пересдачу карт Истории. И вот об этих силах имеет смысл сказать чуть подробнее и взглянуть на то, о чем сказано выше, с другой стороны и под другим углом зрения, а после мы вернемся в 1907–1908 гг.

7

Подъем Второго рейха, экономические проблемы поздневикторианской Великобритании, связанные с экономической рецессией 1873–1896 гг., экономический рывок США – все это создало в последней четверти XIX в. ситуацию, резко контрастировавшую с предшествовавшей эпохой, причем не только с той, что началась победой масонской революции во Франции и окончилась ликвидацией «братьями» Великобритании, Пруссии и Франции Второй империи во Франции (1789–1871 гг.), но эпохой господства масонства в качестве главной оргформы конспироструктур и важнейшего субъекта наднационального управления (1717–1871 гг.). В 1870–1880-е годы стало ясно, что масонство в качестве доминирующей оргформы закрытых наднациональных форм согласования и управления не срабатывает, не адекватно современному миру. Тем более, что оно раскололось на два противоборствующих лагеря, один из которых – немецкий – был, во-первых, национально ориентированным и нелиберальным, что явно нарушало либеральнокосмополитические принципы масонства; во-вторых, явно противостоял Великобритании и ее ложам, как островным, так и континентальным. Перед британским правящим классом, который в течение почти двух столетий так или иначе контролировал все или почти все масонские ложи Европы, остро встала задача создания принципиально новой формы организации закрытых наднациональных структур согласования и управления, подкрепленных британской мощью. А вот с этим-то как раз были проблемы: для тех задач, решением которых должна была заниматься новая закрытая («тайная») структура (или структуры) одной британской мощи было недостаточно, и альбионские «конструкторы» с необходимостью развернулись в ту единственную сторону, в которую они могли развернуться – в сторону США. Выход они увидели в укреплении англо-американского (англосаксонского) единства – финансово-экономического и политического, вплоть до формирования англоамериканского истеблишмента, разумеется, главным образом тайного. Только такой субъект мог решить «пятиугольную» («пентаграммную») задачу:

- поставить под контроль финансы США, создав таким образом единую англосаксонскую финансовую систему;
- сокрушить Германию (и другие европейские и евразийские империи);
- присвоить русские ресурсы, ослабив, а еще лучше полностью разрушив Россию;

- развязать евразийскую, а еще лучше мировую войну и таким образом устранить конкурентов;
- установить мировое господство англосаксов как особой (высшей) расы под эгидой созданного ими же мирового (наднационального) правительства.

Инициатором создания нового субъекта мировой игры, субъекта не просто наднационального европейского, а уже мирового управления выступил Сесил Родс, за которым стояли Ротшильды.

«В зимний день в феврале 1891 г. три человека вели откровенную беседу в Лондоне. Последствия этого разговора имели значение огромнейшей важности для Британской империи и мира в целом». Так начинается интересное исследование «Англо-американский истеблишмент» блестящего историка Кэрола Куигли. Три человека, о которых идет речь, – три убежденных британских империалиста: Сесил Родс, журналист и разведчик Уильям Стэд (Стид) и Реджиналд Бэлиол Бретт (впоследствии – лорд Эшер, доверенное лицо сначала королевы Виктории, а затем Эдуарда VII и Георга V). Тройка собралась для обсуждения вопроса о создании тайной организации, которая должна взять на себя реальное руководство внешней (а во многом и внутренней) политикой Великобритании, укрепить Британскую империю в новых условиях (немецкий вызов), подключив к процессу укрепления США и создав нечто вроде единого англоамериканского истеблишмента, господствующего над миром. Имелось в виду одновременно господство «англосаксонской расы» (доктрина расизма была детально разработана во второй половине XIX – начале XX в. именно в Великобритании, а не в Германии, позднее реализовавшей британские наработки на практике) и господство британского правящего класса с его социально-политическими и идейно-интеллектуальными традициями.

Идея тайной англо-американской организации была сформулирована Родсом еще в 1877 г. в его первом завещании (завещаний было семь, поскольку ультраколонизатор был довольно хлипкого здоровья), и конспироструктура упоминается в пяти из них. Родс формулировал цель организации так: «Распространение британского правления в мире, совершенствование системы эмиграции из Соединённого Королевства и колонизации британскими подданными всех земель, где средства к существованию можно приобрести энергией, трудом и предприимчивостью... в конечном счёте возврат Соединённых Штатов Америки как составной части Британской империи, консолидация всей империи, введение системы колониального представительства в имперском парламенте, что может способствовать сплочению разьединённых членов империи, и, наконец, основание такой великой державы, которая сделает войны невозможными и будет содействовать лучшим интересам человечества».

В качестве модели организации и функционирования тайного общества Родс избрал иезуитов. В двух его последних завещаниях общество не упомянуто: будучи уже весьма известным, Родс не хотел привлекать к нему внимание. Члены группы (она и называлась «Группа»), в которой выделялись два круга – внутренний («Общество избранных») и внешний («Ассоциация помощников»), – были активны в сферах политики, журналистики, науки и образования.

Особое внимание «Группа» и Милнер уделяли СМИ. Так, ими был установлен контроль над немалой частью британской прессы. «Группа» одобрила тот факт, что Альфред Хармсбург («их человек») стал в 1908 г. владельцем самой важной из британских газет – «Таймс», которая сразу же получила беспрецедентный доступ к делам министерств обороны, иностранных дел, колоний. Кроме «Таймс» под контролем Хармсбурга (а следовательно, организации Милнера – Родс умер от сердечного приступа в 1902 г.) немало «массовой» прессы. Неудивительно, что «Группа» помогла Хармсбургу стать лордом Нортклифом. «Таймс» стала рупором «Группы», а с 1910 г. началось издание ежеквартальника «The Round Table». Журнал должен был влиять на тех, кто формирует общественное мнение, определять повестку дня. Кроме того, «Группа» оказывала существенное влияние на журналы «Quarterly Review», «The Economist» и «Spectator».

Ближе к началу мировой войны «Группа», опираясь на генералов и офицеров, многие из которых проходили службу в Южной Африке, существенно укрепила свои позиции в военной сфере.

Стратегия общества (группы) была проста: во-первых, привлечение на свою сторону людей со способностями и положением и привязывание их к блоку посредством либо брачных уз, либо чувства благодарности за продвижение по службе и титулы; во-вторых, влияние с помощью привлечённых на государственную политику, главным образом путём занятия членами группы высоких постов, которые максимально защищены от влияния общественности, а иногда по своей сути просто скрыты от неё.

Создание организации Родса – Милнера Куигли считал «одним из важнейших фактов истории XX века». Ее члены умело скрывали ее существование, поскольку будучи видными представителями старого привилегированного класса прекрасно понимали: реальная, т. е. тайная власть намного более важна и эффективна, чем внешняя форма. Идеино-интеллектуальным центром организации и – в перспективе – центром подготовки политической и интеллектуальной верхушки англосаксонской расы господ стал Оксфорд.

Родс успел заложить мощный фундамент под структуру, которая должна была стать оргоружием мирового управления узкой группы британско-американской верхушки, и назначил пять доверенных лиц, которые должны были дальше развивать дело жизни – его и Ротшильдов. Это были лорд Натаниэль Ротшильд, лорд Розбери, эрл Грей, Альфред Байт, Леандер Стар Джеймсон (любовник Родса) и Альфред Милнер, которому суждено было сыграть огромную, во многом решающую роль в развитии наднациональных структур согласования и управления.

Как отмечают Дж. Доэрти и Дж. Макгрегор, вместе пятерка лидеров тайного общества, целью которого было создать тайную элиту мирового масштаба, – Родс, Стэд, Эшер, Ротшильд и Милнер – представляли собой принципиально новую силу в британской политике, родившуюся в 1880-1890-е годы, но с ними активно сотрудничали представители традиционных аристократических семейств, господствовавшие в Вестминстере и часто тесно связанные с монархией. Например, Роберт Гаскойн-Сесил, третий маркиз Солсбери, контролировавший Консервативную партию или Арчибальд Примроуз, пятый эрл Розбери – почти полный хозяин Либеральной партии. Доэрти и Макгрегор подчеркивают, что британскую политическую жизнь контролировали полдюжины семей, часто связанные брачными узами, однако эпоха заставила их «рекрутировать» новую кровь – главным образом из оксфордских Бэллиола и Нью Колледжа. Таким образом тайная организация во главе с «пятеркой» (но не кембриджской, а покруче) стала ударной частью старого британского класса и одновременно ядром новой мировой англо-американской элиты, различные сегменты которой к тому же крепко связал еврейский капитал. Еще раз напомним: возобновление связи с США и ее всемирное укрепление было центральным пунктом программы Родса – без этого господство англосаксонской расы и британской модели в мире XX в. было бы невозможно.

8

В начале 1890-х годов, изрядно потрепанная рецессией 1873–1896 гг., Великобритания нуждалась в средствах. В еще большей степени в независимом финансовом источнике остро нуждалась «Группа», и взоры ее членов обратились к Южной Африке. В 1889 г. по модели Ост-Индской компании была создана Британская Южно-Африканская компания, чьей задачей было спровоцировать войну с бурами и захватить золотые прииски в Трансваале. Однако попытка организовать в 1895 г. восстание англичан («ойтландеров») против буров и начать войну провалилась, нанеся репутационный ущерб Родсу, и тогда за дело взялся назначенный комиссаром Капской колонии Милнер. Его целью, как ранее «сладкой парочки» Родса

и Джеймсона, было спровоцировать войну. «Группа» нейтрализовала влияние министра по делам колоний Джозефа Чемберлена, который не хотел войны с бурами, развязала войну и довела ее до победного конца. Впрочем, репутация самого Милнера была изрядно подпорчена его ролью в организации концлагерей для мирного населения, в которых погибли 32 тыс. бурских женщин и детей.

Во время Англо-бурской войны британцы использовали тактику «выжженной земли». Горит ферма буров

В любом случае, однако, «Группа» сорвала тот куш, к которому стремилась и могла приступить к реализации уже десятилетие вынашиваемого плана войны с Германией, войны, которую невозможно было выиграть без континентальных союзников – Франции и России. После заключения в 1904 г. англо-французского союза «Группа» начала активно поддерживать реваншистски настроенные организации во Франции, вступив с ними в тесный контакт. Сразу же после окончания Русско-японской войны, развязанной японцами при активном участии и помощи со стороны англичан, началась обработка России. Понимая геополитическую потребность России в реальном военноморском порте в незамерзающем море и лишив ее возможности создать такой порт на Дальнем Востоке, британцы принялись соблазнять русскую верхушку Константинополем и Проливами, объясняя, что единственное средство обретения контроля над ними – война с Германией, т. е. разжигая российско-германский конфликт, естественно в союзе с Великобританией и Францией. Англорусская конвенция (формально) по Персии устранила последнее препятствие на пути формирования антинемецкого союза, а тесно связанный с «Группой» (по сути – ее высокопоставленный агент в России) Александр Извольский помог «Группе» и Эдуарду VII сорвать бьеркское соглашение царя и кайзера – за это «Группа» поспособствует назначению его министром иностранных дел Российской империи (1906–1910 гг.), а когда ей понадобится – перебросит во Францию в качестве российского посла (1910–1916 гг.); в это же время в самом Альбионе «Группа» начала активно двигать Черчилля и Ллойд-Джорджа.

Лейтенант Черчилль в полку южноафриканской лёгкой кавалерии во время Англо-бурской войны (1899 г.)

Извольский, получавший от «Группы» не только карьерную поддержку, но и деньги, делал все для возмущения балканских государств, прежде всего Сербии и Боснии, против Германии и Австро-Венгрии.

В России его остро критиковали и даже высмеивали за это, однако поддержка со стороны верного союзника «Группы» Эдуарда VII неизменно спасала его. Необходимо подчеркнуть, что в смертельной игре, затеянной «Группой», Извольский играл на стороне не России, а «Группы», т. е. определенного сегмента британской верхушки, представляя российскую ячейку в сплетенной ими сети.

Извольский был не единственным европейским политиком, «подтянутым» к внешнему кругу «Группы» – селекция велась и в других странах, прежде всего во Франции (например, Делькассэ и многие другие члены правительства), не говоря уже о просторах Британской империи и самой Великобритании. При этом активно использовались слабости и пороки. Так, Ллойд-Джордж попал в сеть из-за своей любви к «красивой жизни» и ненасытному сексуальному аппетиту.

Ну и, конечно же, огромное внимание уделялось США. Еще в 1902 г. в Великобритании было создано «Общество пилигримов» («Pilgrim society»), чьей главной целью было развитие дружественных отношений с США. «Родсовские стипендии», большую часть которых получали и получают американцы, готовили не очень большой по численности, но очень влиятельный пробритански настроенный сегмент американской элиты. Небольшим, но опять же очень влиятельным, был британски ориентированный сегмент финансистов США. Экономическая власть в Америке в начале XX в. принадлежала нескольким семейным династиям, сконцентрированным в Нью-Йорке, прежде всего Морганам и Рокфеллерам. Ротшильды были тесно связаны с Морганами, а также с банкирскими семьями Куна, Лёэба, Шифа, Пола (Пауля) Варбурга, оказывая через них влияние на финансовую и политическую ситуацию в США и, естественно, сталкиваясь при этом с Рокфеллерами.

Официальный логотип Общества Пилигримов

Другим направлением серьезного влияния Ротшильдов была Россия. К 1914 г. 80 % российских долгов принадлежали французским банкам, а эти банки, как и Банк Франции, контролировались очень небольшой группой, главными в которой были Ротшильды. Лондонские и парижские Ротшильды предоставляли займы России, в то же время спонсируя через третьи и четвертые компании революционеров и либералов, работая на ослабление и – в перспективе – разрушение российского государства. Нужно сказать, что Ротшильды, как правило предпочитали действовать, используя в качестве ширмы другие компании или даже цепочки компаний – это их семейный почерк; поэтому мало кто знает, что и как реально контролируют Ротшильды, а некоторые даже наивно полагают, что эта семья давно уже находится на втором плане.

Разрушать США Ротшильды и их англоамериканские партнеры не собирались: США – не Германия и не Россия. Здесь была задействована иная схема: установление контроля над финансами США, а следовательно, над Америкой как государством, т. е. частичное лишение США суверенитета. К этому англо-американские банкиры шли несколько десятилетий, физически уничтожая тех президентов, которые сопротивлялись этому, – Линкольна, Гарфилда, Мак-Кинли. Чтобы добиться установления контроля частных банков над денежной массой, в 1907 г. банкиры спровоцировали в США финансовый кризис, однако он не решил поставленной задачи, и банкиры, отступив («кто отпрыгнет дальше всех, сможет прыгать еще раз» – Конфуций), начали более тщательную подготовку, которая потребовала появления в президентском кресле недалекого марионетки, всем обязанного благодетелям-финансистам.

9

В 1907–1908 гг. «хозяева мировой игры», игроки и их ближайшее окружение завершили предварительную подготовку к войне как средству установления мирового контроля, выстроились для атаки, подобно смертоносным торпедам («катер-17») из «Тайны двух океанов», поставили «камни» на ключевые точки, подобно игрокам в взйци/го. Атака должна была развиваться по нескольким направлениям:

- завершение операции по установлению контроля над денежной массой США посредством создания принципиально новой финансовой организации, адекватной новым криптополитическим структурам англоамериканского истеблишмента; именно «инновационная» финансовая организация была необходима для финансирования Большой войны;

- интенсификация натравливания России на Германию и Австро-Венгрию с активным использованием Балкан в качестве зоны создания будущего *casus belli*;
- провоцирование Германии на военный конфликт – так, чтобы впоследствии всю вину можно было бы свалить на немцев, рассчитавшись с ними за «вероломство» начала 1870-х годов (выход из-под контроля британских лож);
- создание у немцев впечатления о полном нейтралитете Великобритании в случае военного конфликта «фланговых» (Россия, Франция) держав с «центральными» (Германия, Австро-Венгрия), т. е. заманивание Германии в британскую ловушку;
- в то же время активная работа на Балканах по созданию там ловушки для всех континентальных держав, прежде всего для российской и двух немецких империй, т. е. работа на осуществление предсказания Бисмарка о том, что если в Европе вспыхнет новая война, то это произойдет из-за какой-то глупости на Балканах; речь таким образом шла о подготовке этой глупости, причем таким образом, чтобы она и выглядела глупостью, случайностью, в которой можно было бы обвинить кого угодно, только не британцев.

Решая все эти проблемы, «Группа» расширяла свою сеть в Европе, активно включая в нее российских дипломатов – ставшего послом во Франции Извольского и посла в Сербии Н. Хартвига; были установлены контакты с новым министром иностранных дел Российской империи С. Сазоновым. Трудно сказать, до конца ли он понимал все детали игры, но суть игры и то, что его «играют», он не понимать не мог, но предпочитал не вступать в конфликт с могущественными игроками (тем более, что серьезной поддержки со стороны царя не было); впрочем, и подыгрывать поджигателям он не хотел и не собирался. Повторю еще раз: Извольский и Хартвиг работали не на Россию, которой война с Германией была не нужна, а на «Группу» (в качестве ее «внешнего круга», «фигур»), которой нужна была война и которая решила навязать ее всему миру, включая ту часть британского истеблишмента и политического класса, которая не желала войны. В этом плане Первая мировая война, ее начало – это триумф, победа наднационального Чужого и Хищника в одном оргфлаконе над государствами Европы и Америки (США); победители получили выгоду в той степени, в какой они были либо «портом приписки», либо союзниками «Группы» (на Россию это не распространялось, она исходно была мишенью, на которую напялили маску с надписью «союзник»). Но мы забежали вперед.

Итак, в 1907–1908 гг. после почти 20-летней игры Великобритания и «Группа» сдали себе козыри, подготовив сцену для русско-германской войны. Теперь оставалось лишь поджечь бикфордов шнур, чтобы, потирая руки, подобно гайдаровскому Плохишу возрадоваться: «То-то сейчас рванет». Вопрос «где рванет?», по сути, не стоял. Ясно где – на Балканах. Выше уже упоминалось о том, что на рубеже 1870-1880-х годов Бисмарк предупреждал: новая война в Европе вспыхнет из-за какой-нибудь глупости на Балканах. Особенно, добавлю я, если «глупость» хорошо подготовить. И ее начали готовить сразу же после Русско-турецкой войны 1877-1878 гг., а после 1907 г. процесс резко интенсифицировался на той основе, которую создавали в течение двух десятилетий. И к концу этого периода кое-какая информация не могла не просочиться. Так, выступая в начале 1914 г. на заседании Географического общества в Париже, будущий диктатор Польши, а тогда еще социалист Ю. Пилсудский сказал, что вскоре в Европе вспыхнет война между блоками, в которой будут разгромлены Австро-Венгрия, Германия и Россия (Пилсудский ошибся лишь в очередности).

Войну в Югославии середины 1990-х годов писатель О. Маркеев назвал «модельной» – в том смысле, что в ней обкатывались определенные модели действий в чрезвычайных ситуациях, будущих возможных действий против полиэтнической и по-ликонфессиональной (как и Югославия) России, шла вербовка и ликвидация чужих, закладывались развед- и спецсети для будущих операций. Больше всего шустрили, естественно, американцы, британцы, немцы, ну и – в меньшей степени – представители ближневосточных и средневосточных стран. Русско-турецкая война 1877–1878 гг. и «послесловие» к ней тоже стали временем закладки сетей

для будущих операций. Закладчиками были главным образом англичане, для разведки которых Балканы были традиционной зоной деятельности – об этом очень хорошо написал У. Стид (Стэд) в двухтомнике «Парламентарий для России», вышедшем в конце XIX в. Англичане (в некоторой конкуренции с русской и австро-венгерской разведкой) создали на юге Балкан свою сеть тайных организаций, включая сербские террористические, которые они использовали «втемную» (или «вполутемную»).

К 1912 г. тайная англо-американская элита дважды неудачно пыталась спровоцировать Германию на войну; эти неудачи заставили «Группу» окончательно сконцентрироваться на Балканах в качестве места будущего взрыва, а еще точнее – на Сербии. Почему на Сербии? Во-первых, из-за ее связей с Россией – манипуляции «команды Извольского» по этой линии могли вызвать русско-германский конфликт. Во-вторых, Сербия была буквально наштапигована британской агентурой. В-третьих, среди балканских стран именно Сербия была наиболее зависима от иностранного капитала, а потому здесь было где разгуляться европейцам вообще и британцам в особенности. Вот что пишут по этому поводу Дж. Доэрти и Дж. Макгрегор: «... балканские страны не имели ни инфраструктуры, ни инвестиционного капитала для освоения своих природных ресурсов. Румыния и Сербия особенно зависели от международных банков, в результате реальное богатство уплывало в Лондон, Париж и Вену. Прежде чем сделать что-либо для развития местной промышленности, европейские финансисты высасывали все что могли из сербской национальной экономики. Банки использовали местных агентов, влиятельных политиков, представителей законодательной и исполнительной власти в качестве посредников между европейской биржей и Сербией. Лев Троцкий, тогдашний корреспондент «Киевской мысли» по Балканам, писал: «Одна и та же дверь (в Сербии. – А.Ф.) ведет в министерство и в дирекцию банка. [...] Сербию тщательно готовили для очень специальной роли. Она была идеально расположена в качестве эпицентра сейсмического взрыва, который должен был уничтожить старый порядок». Именно здесь орудовали представители «Группы» – британские и русские. Николай Хартвиг, посол в Сербии, по сути контролировавший правительство Пашича, был тесно связан с полковником Д. Дмитриевичем (Аписом) – руководителем полумасонской-полутеррористической организации сербских националистов «Черная рука», участником убийства короля Александра в 1903 г. и (по официальной версии) одного из организаторов убийства Франца-Фердинанда в 1914 г.

Именно Извольский и Хартвиг в компании с Бушье создали Балканскую лигу, объединив балканские страны в союз, объективно направленный против союзников Германии – Турции и Австро-Венгрии. Результаты не замедлили ждать – Первая Балканская война против Турции и Вторая Балканская война против Болгарии, традиционного тогда (и сегодня, после разрушения СССР) союзника немцев. Однако в обоих случаях ни в 1912, ни в 1913 г. кайзер не поддался на провокацию, предпочитая дипломатию. К тому же он верил в возможность договориться с британцами о нейтралитете (в 1914 г. в аналогичную ловушку, по-видимому, угодит Гитлер – история повторяется), тем более что британцы сделали все, чтобы убедить его в этом. В феврале 1912 г. Холдейн отправился с визитом в Германию, во время которого убедил (по сути обманул) кайзера в том, что Второй рейх вполне может заключить договор о нейтралитете с Великобританией – как говорится, «не вижу препятствий». По крайней мере, так полагал Вильгельм, обработанный Холдейном.

В том же 1912 г. американским банкирам, многие из которых были активными членами Общества пилигримов удалось протолкнуть в Белый дом свою марионетку – Вильсона, который на первом же году своего президентства (1913 г.) подписал указ о создании Федеральной резервной системы (ФРС) – денежная масса перешла в собственность и под контроль ограниченного числа частных банков. Теперь можно было начинать мировую войну – это уже был вопрос техники: выстрел в Сараево заказывали? Получите. И Франца-Фердинанда, кстати, противника войны со славянами, убивают вместе с его женой. Убивает член «Черной руки».

Почему-то забывают, что через два дня в Париже убивают еще одного противника войны – политика европейского уровня, социалиста Жореса. А месяцем раньше тяжелейшую (планировалось – смертельную) рану от удара ножом получает Распутин. Позже он скажет, что если бы был не в больнице, а при дворе, «папа» (так он называл Николая II) не стал бы воевать, – он, Распутин, сумел бы убедить его (думаю, действительно, сумел бы).

Попытка Гаврилы Принципа покончить с собой сразу же после убийства эрцгерцога не удалась: цианистый калий не сработал. Так и должно было быть: убийца-серб был необходим для дачи показаний, для следствия, для суда, т. е. для разжигания конфликта. Ну а после того, как мавр сделал свое дело, можно и умирать – Принцип умер в 1918 г. от туберкулеза в тюрьме. Хартвиг скоропостижно скончался в том же 1914 г. в австрийском посольстве в Белграде (sic!); Аписа расстреляли в 1917 г.; в 1917 г. же году таинственно исчезла переписка Хартвига с Сазоновым. Ну а в 1919 г., как только принялся за мемуары, внезапно скончался Извольский. Мертвые молчат (впрочем, не всегда).

Сразу же после выстрела в Сараево представители «Группы» начали манипулятивную игру в Вене и Петербурге. Британские политики и пресса – внимание – однозначно выступили на стороне Австро-Венгрии, поддержали ее претензии к Сербии и осудили сербов. У австро-венгров создавали впечатление, что европейское общественное мнение или, как сейчас говорят, «мнение международного сообщества» на их стороне. Более того, британская пресса квалифицировала убийство как акт агрессии со стороны Сербии, на который Австро-Венгрия просто обязана ответить. Центром важнейших политических решений для Европы становился в этой ситуации Петербург, точнее, британцы умело переместили его туда.

Задачей агентуры «Группы» – Извольского и Пуанкаре, которым активно помогали посол Франции в России Палеолог и посол Великобритании Бьюкенен, было обеспечить жесткую позицию Петербурга по отношению к Вене. Все попытки Сазонова смягчить ситуацию – он понимал, что России война не нужна, более того, она для нее опасна – пересекались этой «бригадой». А царь вел себя вяло, словно полагаясь на волю рока. Роль «рока» исполняли «Группа» и ее агентура.

Провоцировать Россию нужно было для того, чтобы спровоцировать на агрессивные действия Германию: «Группа», Грей, Бьюкенен и К° прекрасно понимали, что в самой Великобритании мало кто хочет войны и военные настроения не возникнут до тех пор, пока Германия не проявит агрессивность по отношению к России и Франции. В свою очередь это проявление зависело от позиции Великобритании. Если бы та заявила о своей солидарности с «фланговыми» державами, кайзер ни в коем случае не стал бы рисковать, никакой войны бы не было и многолетние усилия поджигателей и заговорщиков пошли бы прахом. Поэтому «Группа», Эдуард VII и министр иностранных дел Грей сделали все, чтобы убедить Вильгельма в британском нейтралитете; Грей постоянно говорил о возможном конфликте как «конфликте четырех», автоматически исключая Великобританию из числа его участников; британские журналисты и парламентарии писали и говорили (многие вполне искренне) о Германии и Австро-Венгрии в спокойном тоне, убаюкивая тем самым немцев.

«Группе» удалось дезинформировать многих британских парламентариев по вопросу о том, как реально развивается ситуация в Европе и насколько она взрывоопасна. Между тем к 25 июля 1914 г. Грей уже знал, что Россия готова к войне, поскольку действия Австро-Венгрии и их умелая направленная интерпретация агентурой «Группы» сделали свое дело: 26 июля, реагируя на частичную мобилизацию Австро-Венгрии (в ответ на сербскую мобилизацию), царь отдал приказ о частичной мобилизации русской армии. Несмотря на это, убаюканный британцами (как же, они ведь сохраняют нейтралитет!) кайзер был уверен, что конфликт между Австро-Венгрией и Сербией не выйдет за локальные рамки и не станет серьезным. Но кашу заварили вполне серьезно, и Вильгельм уже оказался в ловушке, причем он даже не понимал до какой степени.

В «Группе» прекрасно понимали, что в случае войны с Францией немцы двинутся через Бельгию, нарушив тем самым ее нейтралитет и обеспечив против себя *casus belli*. Но они понимали, что и немцы это понимают и могут попытаться сыграть иначе. На этот случай у «Группы» был «план № 2», который не оставлял Германии ни единого шанса избежать войны и быть обвиненной в ее развязывании.

В течение какого-то времени, предшествовавшего началу Первой мировой войны, агентура «Группы» закупала в Германии оружие и боеприпасы и перевозила в Ирландию, где вооружала как протестантов Ольстера, так и католиков юга страны, готовя «вооруженное восстание ирландцев против Великобритании и протестантов». В организации восстания обвинили бы Германию (чье оружие?) – и это стало бы поводом для войны. Однако «план № 2» не понадобился, все произошло иначе, и решающую роль на самом последнем этапе, в открытии крышки «кладеза бездны», в разжигании европейского конфликта, который со временем превратился в мировой, сыграл министр иностранных дел Великобритании Эдуард Грей, а помогал ему еще один человек «Группы» – Ллойд-Джордж.

Большинство членов Кабинета министров Великобритании были против войны, и «Группа» должна была обойти, переиграть их. Не только не имея разрешения, но не поставив кабинет в известность, Черчилль начал мобилизацию флота; премьер-министр Асквит отправил Холдейна в военное министерство для мобилизации армии, а Грей заверил Поля Камбона, что Великобритания защитит Францию от агрессии.

3 августа 1914 г. Грей выступил в Палате общин с абсолютно лживой речью о том, что министерство иностранных дел сделало все, чтобы сохранить мир. Несмотря на их поддержку воинственных заявлений Грея, члены Палаты общин все же заявили о необходимости дебатов, но их резко одернул Асквит. И тем не менее было принято решение о необходимости дебатов по речи Грея. После перерыва Грей немедленно покинул Парламент и отправил жесткий ультиматум Германии, зная то, чего не знали парламентарии, – то, что немецкое вторжение в Бельгию в ответ на действия Франции уже началось.

Когда Палата собралась для дебатов, против сторонников мира выступил член «Группы» А. Бальфур. Он заявил, что для дебатов не хватает кворума, а сами они произведут плохое впечатление на публику. Вопрос о войне был решен, и 4 августа Георг V в Букингемском дворце объявил войну Германии. Это стало неожиданностью и ударом для Вильгельма, своеобразной «черной меткой»: «Дело сделано, Вилли». Теперь он мог сколько угодно топтать ногами, изрыгать проклятья в адрес «подлых торгашей» – ловушка захлопнулась, Германия оказалась в состоянии войны на два фронта с тремя ведущими европейскими державами.

Английский историк Н. Фергюсон неуклюже пытается объяснить возникновение Первой мировой ошибками Великобритании и ее дипломатов. Нет, дружок, это не ошибка, а реализация четкого плана, доведение до конца линии, задуманной в 1880-е годы. Ясно, что Н. Фергюсон, ранее написавший панегирическую биографию семьи Ротшильдов, пытается выгородить Великобританию, можно только посочувствовать – тяжело человек свой хлеб зарабатывает, трудно доказать недоказуемое. Кто не слеп, тот видит: именно Великобритания, международный союз англо-американских банкиров, организованный в клубы и ложи до краев наполнил ту чашу, капнуть последнюю, переполняющую каплю в которую он сумел заставить простака Вильгельма. Вообще надо сказать, что англосаксам в начале XX в. сильно повезло: во главе государств-мишеней они имели двух недалеких, неадекватных современному их миру правителей – Вильгельма II и Николая II. И если про Вильгельма уже почти забыли, то с Николаем II иначе – до сих пор находятся историки, которые пытаются «петь» этого бездарного правителя как крупного государственного деятеля.

Уже август 1914 г. (не говоря о войне в целом) доказал правоту Е.А. Едрихина-Вандама, предсказавшего успех Великобритании в борьбе с Германией только в том случае, если на стороне британцев выступит Россия, которая потащит три четверти военного бремени. В августе

1914 г. наступлением в Восточной Пруссии, проведенным до завершения мобилизации, Россия спасла Париж и Францию. Не произойди этого, война – с разгромом Франции – закончилась бы по-другому, возможно и не победой Германии, но и не ее поражением.

Верные замыслу организации взаимного уничтожения Германии и России в ходе войны, с конца 1916 г., когда стало ясно, что война выиграна и Германия будет повержена, британцы обратились к решению русского вопроса. Они поддержали заговор против Николая II (показательно, что убивать Распутина был прислан киллер именно из Лондона); без этой поддержки заговор едва ли состоялся бы – при желании британцы могли элементарно разрушить его. Зато в случае свержения монархии в России они получали благодарное им пробританское правительство, которое не только не посмело бы требовать то, что было обещано Николаю II (Константинополь и Проливы), но стало послушным орудием в руках «Группы» и позволило бы полностью превратить Россию в сырьевой придаток Запада. В 1918 г. Российской, Германской и Австро-Венгерской империй уже не существовало. Версальская система, созданная политической обслугой Ротшильдов, Рокфеллеров и других банкирских семей казалась полным торжеством планов англо-американского истеблишмента, англоамериканских клубов, лож, закрытых обществ. Но Гегель не случайно писал о «коварстве истории».

10

Первая мировая война способствовала укреплению закрытых групп мирового согласования и управления англосаксонской элиты и упрочению англо-американских связей по закрытой линии при росте противоречий по открытой линии – между Великобританией и США как государствами. В 1916 г. команда Милнера, его повзрослевший «детский сад» окончательно стала ядром «Группы». Все более активную роль в ней играл Арнольд-Джозеф Тойнби-младший, историк и разведчик.

Именно из идей Тойнби Милнер почерпнул установку, согласно которой расширение империи и интеграция англоязычных элит необходимы для того, чтобы продолжал существовать британский образ жизни, образ жизни британского правящего класса как раскрывающие лучшие и высшие способности человечества.

После войны продолжилось институциональное оформление англо-американской элиты. Сначала в Лондоне был создан Королевский Институт международных отношений. Подлинным основателем института был Кёрзон, а состоялось основание на совместной конференции британских и американских экспертов в гостинице «Мажестик» в 1919 г. Штат института составили совет с председателем и двумя почётными секретарями и небольшая группа сотрудников. Среди последних наиболее значительной фигурой был Арнолд Дж. Тойнби, племянник друга Милнера по колледжу Бэллиол (Оксфордский университет), в будущем – автор знаменитого 12-томника «A Study of History» и многих других работ, а также координатор деятельности британских спецслужб во время Второй мировой войны.

КИМО организовывал дискуссии и исследовательские группы, спонсировал исследования и публиковал их результаты. Институт опубликовал «Историю мирной конференции» и издавал «Журнал» с отчётами о дискуссиях, а также ежегодный «Обзор международных дел», составляемый его служащими (прежде всего Тойнби) или членами группы Милнера. Ещё одним ежегодником был «Обзор отношений в Британском Содружестве», финансируемый с помощью гранта от нью-йоркской корпорации Карнеги. Институт создал филиалы в доминионах и даже распространил своё влияние на страны вне Содружества – с помощью Организации интеллектуального сотрудничества Лиги Наций. Со времени чехословацкого кризиса сентября 1938 г. КИМО стал неофициальным консультантом Министерства иностранных дел, а с началом Второй мировой войны официально превратился в его исследовательское отделение.

В 1924 г. в Вашингтоне был создан американский аналог КИМО – Совет по международным отношениям (СМО). Кроме КИМО и СМО как в Великобритании, так и в США стали формироваться клубные структуры, так или иначе связанные с «Группой». Хорошую характеристику клубам англо-американской элиты дал Г.Дж. Препарата, который определил их как «укоренившиеся и самовоспроизводящиеся братства, правившие англосаксонскими государствами: они были (и есть) образованы конгломератом династий, происходящих из банкирских домов, дипломатического корпуса, офицерской касты и правящей аристократии. Этот конгломерат и по сей день прочно вплетен в ткань современных «демократий». Такие «клубы» действуют, управляют, воспитывают и мыслят как компактная, тесно спаянная олигархия, привлекающая к сотрудничеству средний класс, который она использует как фильтр между собой и пушечным мясом – простолюдинами. Действительно, в так называемом демократическом выборе, который в настоящее время представляет собой наиболее хитроумную модель олигархического правления, электорат по-прежнему не имеет никакого влияния, а политическая способность есть не что иное, как иное название силы убеждения, необходимой для построения «консенсуса» вокруг жизненно важных решений, которые принимаются отнюдь не избирателями».

Особое внимание в 1920-е годы англоамериканская верхушка уделяла двум странам – России и Германии. Это вытекало, во-первых, из макиндовской логики окружения евразийского массива и недопущения его объединения в единое или союзное целое. Во-вторых, из того, что Россия (СССР) и Германия на тот момент представляли собой два полигона, два экспериментальных поля отработки двух различных brutальных новых форм создания нового мирового порядка и технологий (прежде всего массово-манипулятивных) его установления. В России «Группа» и ее американские «коллеги» установили контакт с большевиками, интернационал-социалистами; в Германии она активно поддерживала связи с националистами, которые со временем станут национал-социалистами. Во время Гражданской войны в России большевики интернационал-социалисты устраивали англосаксов больше, чем настроенные на восстановление империи белые. Курс на мировую революцию вполне устраивал Фининтерн, поскольку она ломала, подрывала, ослабляла национальные государства, устраняя помехи на пути товарных и финансовых цепей и обеспечивая условия для создания Венеции размером с Европу или даже мир. Понятно, что революционеры и буржуины, левые и правые глобалисты – враги, однако по-своему мировая революция, разрушающая государства и стирающая государственно-политические границы, приводила в соответствие политическую организацию капиталистической системы с экономической (мировой рынок без границ). Разумеется, у революционеров были свои цели, а у мировой верхушки – свои: мир-революционеры стремились организовать системный кризис капитализма и создать новую систему во главе с мировым коммунистическим правительством, а сверхкапиталисты использовали революционеров (словно заглянув в будущее и посмотрев «Матрицу-2») для углубления кризиса старой структуры и создания новой структуры прежней же капиталистической системы, но уже без государств, а во главе с мировым правительством.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.